

ОЛГА ВАЛЕНТЕЕВА

ЗОВ ПУСТОТЫ

Ольга Валентеева

Врата пустоты. Зов пустоты

«Автор»

2026

Валентеева О. А.

Врата пустоты. Зов пустоты / О. А. Валентеева — «Автор», 2026

Первая книга цикла "Врата пустоты. Зов пустоты" (всего в серии 4 тома). Счастье и любовь слишком скоротечны. Полли считала, что в ее жизни все решено: выпускные экзамены, а через месяц - свадьба с любимым. Но судьба распорядилась иначе, и жениха Полины обвиняют в страшном преступлении. На что она готова, чтобы защитить свою любовь? И правда ли, что пустота куда более справедлива, чем люди?

© Валентеева О. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Врата пустоты. Зов пустоты

Глава 1

Шажок, еще шажок. Темно, хоть глаз выколи. Но я продолжала уверенно пробираться между кроватей к огоньку у входной двери. Мечтала, чтобы половицы не так скрипели, но они, как назло, пели от каждого шага. Скрип-скрип. Скрип-скрип.

— Полли, ты куда? — над одной из кроватей поднялась белокурая головка. Конечно, в крошечном мраке я не видела цвет волос собеседницы, но знала, что волосы Катарины именно светлые.

— Сейчас вернусь, спи.

Кати, видимо, решила, что я иду в уборную, потому что затихла, а я продолжила путь. Скрип-скрип. Выглянула в коридор, огляделась по сторонам. Никого! Наверное, наставницы надеялись на наше послушание и коротали вечер не у комнат студенток, которым в полночь положено было спать, а за игрой в карты. Играли они лучше мужчин, готова поклясться! Я даже немного завидовала их таланту. Тем более что сейчас страсть степенных колдуний к карточным играм была мне на руку. Я незамеченной проскользнула мимо двери наставниц и выбралась на улицу. Лето уже вступило в свои права, но вечера все еще были прохладными. Жаль, что при себе не было накидки, а тоненькое платьице ветер продувал насквозь. Но это все пустое! Я лавировала по дорожкам, стараясь не попасть ногой в какое-нибудь защитное заклинание, пока не добралась до забора. Когда впереди показалась решетка, увитая виноградом, я тихонько свистнула. Виноград тут же затрещал под чужим весом, и рядом спрыгнул мужчина, закутанный в темный плащ.

— Ты все-таки пришла, — шепнул он, привлекая меня к себе.

— Конечно. Еле выбралась, одна из воспитанниц провинилась, и наставницы весь вечер учили нас жизни, — тихонько засмеялась я, прижимаясь к любимому. Он укутал меня своим плащом, чтобы не мерзла, и коснулся поцелуем волос. — Ты долго ждешь, Анри?

— Около часа. Но я верил, что ты придешь.

Я вглядывалась в любимое лицо. В полумраке сада его было плохо видно, но я и так знала каждую черточку. Зеленые глаза, прямой нос, четко очерченный рот. Мне не надо было видеть, чтобы знать. Губ коснулись губы, и я потерялась для всего мира, растворилась в ощущениях.

— Как же я хочу наконец-то быть с тобой, — шептала любимому.

— Потерпи. До выпускного всего неделя.

— И целый месяц — до нашей свадьбы. Так долго, Анри!

— Мы ждали дольше, Полли.

Да, гораздо дольше. Целых два года. Мы познакомились, когда за окном падал снег, а наставницы готовили нас к первому выходу в свет. Для репетиций танцев они пригласили студентов выпускного курса военного училища. Среди них был и Анри. Сейчас он уже не студент, а гвардеец личной стражи магистра Таймуса, одного из трех правителей Гарандии. Вот только по закону он не мог стать моим супругом, пока я не завершу обучение в магическом коллеже. И хоть перед светом мы давно были женихом и невестой, встречаться приходилось украдкой, чтобы не узнали наставницы. Иначе они сообщили бы моей матушке, а она — женщина крайне строгих нравов. И мне точно бы не поздоровилось. Поэтому мы таились и прятались, но час свободы был близок.

— Потерпи. — Анри целовал мои губы, щеки, глаза. — Скоро нас никто не разлучит, кланусь.

— Я знаю, знаю. Но все равно так тяжело.

Колокол на городской башне пробил полночь. Я нехотя выбралась из объятий любимого. — Тебе пора, — сказала с грустью. — Иначе будут неприятности. Да и меня как бы не хватились.

— Я не хочу уходить.

— Я тоже не хочу, Анри. Но ты сам сказал — надо потерпеть. Поэтому иди.

— Люблю тебя.

— Люблю.

Еще один поцелуй — и Анри ловко забрался на стену, а я осторожно прокралась к зданию общежития. Уже почти миновала главное препятствие — комнату наставниц, когда дверь со скрипом отворилась.

— Мадемуазель Лерьер? — раздался грозный голос наставницы Жаннетт. — Где вы были?

— Я выходила в сад, наставница, — ответила, опустив глаза. — В комнатах так душно, у меня разболелась голова, и захотелось подышать воздухом.

— Вам следовало спросить у меня позволения.

— Я думала, вы уже отдыхаете.

— Вам. Следовало, — отчеканила Жаннетт.

— Прошу меня простить, — присела в реверансе.

— То, что вы без пяти минут выпускница, ни капли вас не извиняет, — качнула головой моя мучительница. — Завтра вам запрещено выходить из комнаты, только в столовую и уборную. И выучите главу пятнадцатую истории Гарандии. Наизусть.

— Будет сделано, наставница.

— Ступайте. И подумайте о своем поведении. Вы бесчестите имя своей матушки.

Я поторопилась вернуться в комнату, легла и закрыла глаза. Ничего дурного я не сделала! Анри — мой жених и скоро станет мужем. То, что нам запрещено видаться вне светских приемов, несправедливо! Но спорить с Жаннетт я бы не стала под страхом казни. Наставница была лучшей колдуньей Гарандии и когда-то занимала должность личного советника магистра света.

Ничего, осталась неделя. И я закрыла глаза, абсолютно счастливая, еще не зная, что это был последний день моего счастья.

Утро выдалось таким солнечным, что хотелось петь и танцевать. Другие воспитанницы отправились на дополнительные курсы — музыка, танцы, поэзия, — а я осталась сидеть у окна и любоваться на солнце сквозь стекло с увесистой книгой в руках. Книга была нудной. Нет, сама история родной страны меня всегда интересовала, но в учебнике она была изложена настолько сухим языком, что хотелось вышвырнуть книжку в окно. Глава пятнадцатая и вовсе рассказывала о том, что в Гарандии знает каждый ребенок. Это становление магического триумвирата. Когда-то в Гарандии была монархия, но постепенно с развитием магии она изжила себя, и после революции, которая состоялась пятьдесят лет назад, власть в стране разделили три магистра — магистр света, тьмы и пустоты. Если со светлым и темным было все понятно, то магистр пустоты призван был обеспечивать нейтралитет между двумя другими, потому что в пустоте ни света, ни тьмы нет. О маистрах я и так все знала наизусть — они менялись не столь часто, всего лишь раза три за эти полвека. Самым старым был магистр света Таймус, у которого служил Анри. Ему перевалило за шестьдесят. Маистру тьмы было под тридцать, а лица магистра пустоты и вовсе никто не видел.

Я старательно повторила все имеющиеся сведения и уже после обеда ответила урок наставнице Жаннетт. Уф! Хотя бы можно будет прогуляться с девочками перед ужином, раз строгая наставница сменила гнев на милость. Подруг по коллежу у меня было не так много — та самая Катарина, которая стала невольной свидетельницей моей ночной прогулки, светлая магичка Дилора и ведунья Алисия. Сдружились мы еще на первом курсе и старались держаться вместе. Я отыскала их и потащила на улицу. Мы разместились в небольшой беседке, увитой

розами, и говорили обо всем на свете. Но даже ближайшим подругам я не говорила о том, что ночью тайно встречалась с Анри. Девушки — народ болтливый, а это может плохо закончиться не только для меня, но и для него.

— Наконец-то завтра привезут наши выпускные платья! — щебетала Дилора. — Я уже жду — не дождусь. И Раймон обещал быть на балу. Я так хочу его увидеть!

Раймоном звали одного из воздыхателей Дилоры. Мы с девочками не считали, что между ними происходит что-то серьезное — сердце Дилоры было переменчиво, как весенний ветер. Но тем не менее слаженно кивали. А я представляла, как Анри увидит меня в новеньком балльном платье персикового цвета, украшенном бутонами роз. Стоило оно целое состояние, но матушка расщедрилась, чтобы ее дочь блистала на фоне других выпускниц, и никто в столице не сказал, что баронесса Кристина Лерьер экономит на своей дочери.

— А я до сих пор сомневаюсь, — трещала Катарина. — Может, надо было остановиться на голубом, а не на зеленом? Буду как лягушка!

Мы принялись убеждать Катарину, что зеленый цвет ей к лицу. Обычная девичья болтовня, в которой так мало серьезного, и которая забывается, стоит разойтись по разным углам. Я кивала и смеялась, но мысли были далеко... И все-таки замечательно, что выпускной уже через неделю. Стены коллежа казались тесными, как никогда, а разлука с Анри — нестерпимой!

— Ой, что-то тучи набежали, — первой подняла голову Алисия.

И правда, мы не заметили, как чистое небо вдруг стало серым, грозовым. Не к добру...

— Что-то маги упустили, — хмыкнула Дилора.

— Или студенты-погодники в своей башне опять начудили, — пожала плечами Катарина.

— Может, вернемся в общежитие? — предложила я.

— Ты что, Полли! Грозы боишься?

И подружки дружно захихикали. Нет, я не боялась грозы, но хотелось как можно скорее очутиться за надежными стенами, сесть у окна и слушать раскаты грома, радуясь, что меня-то гроза обошла стороной. Поэтому я поднялась с облюбованной скамейки и медленно пошла к общежитию. Девчонки, хоть и смеялись, но тут же меня догнали. Намокнуть не хотелось никому.

Мы уже почти дошли до порога общежития, когда все-таки грянул гром, и на землю упали первые тяжелые капли. Вот только сразу за громом послышался глухой удар колокола.

— Что это? — замерла Дилора.

— Где? — спросила Катарина.

В шум дождя вмешался еще один глухой удар — бом. И сердце ухнуло в пятки. Колокола никогда не звонили просто так. И еще раз — бом.

— Это траурный звон, — прошептала Алисия, и улыбка мигом покинула ее лицо, как и краски. Она сделалась белой как полотно. — Какой из трех колоколов звонит?

— Солнечный, — тихо проговорила Дилора. — Это точно солнечный. Неужели светлейший магистр скончался?

Бом... Я подумала об Анри, который сейчас находится где-то рядом с этим перезвоном, ведь сегодня — его смена в карауле великого Таймуса Светлого. Что же случилось?

— Девочки, немедленно внутрь! — появилась в дверях общежития Жаннетт, и даже ее лицо, всегда будто вырезанное из мрамора, казалось испуганным.

— Что произошло? — жалобно спросила ее Алисия.

— Вы же слышите — солнечный звонит. Ждем официальных известий.

Мы переглянулись и поспешили в свои комнаты. Тяжелее всего — ждать. А общежитие уже гудело, как огромный улей. Гудело тихо и зловеще. Тут и там перешептывались, сбивались в стайки, переходили от одной стайки к другой. И все никак не могли понять, почему солнечный колокол, венчавший светлую башню, звонил в неурочный час. Прошло около пятнадцати

минут, когда перелив колокольчиков позвал всех воспитанниц в большой зал. Значит, наставницы что-то узнали и готовы сообщить нам. Почему-то стало жутко. Я старалась держаться поближе к подругам. Мы выстроились в четыре ровных ряда — по количеству курсов — и приготовились выслушать новости, какими бы они ни были. А перед нами замер весь педагогический состав во главе с верховной колдуньей — мадам Симоной.

— Воспитанницы и выпускницы, — заговорила она, и уже по голосу стало понятно, что дела плохи, — только что мы получили ужасное известие из мэрии. Великий магистр света Таймус был убит в своей башне.

Убит? Я ожидала, что маг мог скончаться от болезни или магического истощения, но — убит? По рядам полетел шепоток, но мадам Симона глянула на нас так, что все закрыли рты.

— Нет причин для паники, — продолжила она. — Убийца задержан и будет наказан по всей строгости закона. Имя его пока не разглашается до выяснения обстоятельств совершенного преступления. Нас же призвали повысить дисциплину, поэтому до выпускного бала отлучки в город запрещены. Под запретом свидания с родными и письма. Прогулки разрешены только на территории коллежа в сопровождении наставниц. Потерпите, скоро выпускной бал, и уже через неделю вы увидите своих близких. А пока что уделите время учебе и самопознанию, ибо никто не знает, что теперь ждет Гарандию.

Мадам Симона ушла, а мы так и стояли, будто кто-то опустил тяжелый покров. Я не могла поверить в то, что услышала. Отказывалась понимать. Да, магистры умирали — все люди смертны, но у кого же поднялась рука? Почему? Тем более магистр Таймус был очень открытым человеком, иногда приезжал к нам в коллеж, подбадривал, выделял стипендии и гранты. И вот он погиб...

Я вернулась в общую комнату и села на диван, закрыла лицо руками. Как там Анри? Все ли с ним в порядке? Пострадал ли кто-либо, кроме магистра? Мне никто не мог дать ответ. Но в ту минуту я даже не подозревала, каким этот ответ окажется.

Глава 2

Наш коллеж гудел словно улей. Я, как и все, не находила себе места. Ночью никак не могла уснуть. А когда все же задремала, приснился Анри. Во сне он уходил от меня, а я все бежала, бежала — и никак не могла его догнать. От этого было больно настолько, что утром подушка оказалась мокрой от слез. Я проснулась поздно. Голова гудела, будто не спала, а танцевала на балу или зубрила уроки. В столовую пришла позже всех — и не смогла проглотить и ложки супа. Только выпила сладкий компот из сухофруктов.

Неделю не видеть Анри и умирать от неизвестности... Я сидела у окна в библиотеке и листала трактат по светлой магии. Выписывала в блокнот то, что казалось интересным, и так хоть немного отвлекалась от скверных мыслей. Но они все равно были сильнее и забирались в голову, не спрашивая разрешения. Что теперь будет? Когда смогут избрать нового магистра? Обычно, когда силы магистра начинали слабеть, он готовил преемника, но ведь Таймуса убили, и неизвестно, назвал ли он имя наследника силы. Все это пугало, но больше всего — неизвестность.

— Полли! Полли, вот ты где, — вбежала в библиотеку растрепанная Катарина. — Там тебя ищет мадам Симона! Быстрее.

Да, к директору лучше поторопиться, поэтому я вернула книгу библиотекарю и, подхватив юбки, помчалась за подругой. Мадам Симона не любила ждать. А еще она не любила, когда ее воспитанницы появлялись на пороге растрепанными и взмыленными, поэтому наградила меня тяжелым недовольным взглядом. Вот только в кабинете мадам была не одна. За ее спиной стояли двое мужчин. Один помоложе, наверное, одноклассник Анри, второй — старше, лет

тридцати пяти. Его лицо казалось высеченным из камня, и он смотрел на меня так жутко, что почему-то затряслись руки.

— Вот она, герцог Дареаль, — сурово сказала мадам Симона. — Полина Лерьер, выпускница этого года.

Герцог Дареаль? Главный дознаватель магистрата? У меня душа ушла в пятки, и ладони вспотели. Зачем он здесь, и что ему от меня нужно?

— Мне надо поговорить с вашей воспитанницей наедине, мадам Симона. — Голос Дареаля походил на карканье ворона, который прилетел по мою душу.

— Нет уж, — неожиданно воспротивилась мадам Симона, и я готова была ее расцеловать. — Полина — юная незамужняя девушка. И не в наших правилах оставлять воспитанниц без присмотра. Говорить будете при мне.

— У нас есть высочайшее распоряжение, — нахмурился дознаватель, но директор осталась непреклонна.

— Или так, или никак, — заявила она. — Полли, милая, присядьте.

Я заняла свободное кресло и чинно сложила руки на коленях, а мадам Симона замерла за спинкой кресла как дух-хранитель.

— Мы вас слушаем, — сказала она.

Следователи переглянулись и, видимо, что-то для себя решили.

— Хорошо, мы принимаем ваши условия, — сказал Дареаль. — Мадемуазель Лерьер, кем вам приходится граф Анри Вейран?

Сердце пропустило удар.

— Он — мой жених, — тихо ответила я. — Что с Анри? Он ранен? Погиб...

— Лучше бы он погиб, — зло сказал молодой следователь, а Дареаль взглянул на него неодобрительно.

— Когда вы виделись в последний раз? — вместо ответа спросил он.

— Вы не сказали, что с Анри.

— Вас это не касается, мадемуазель.

— Меня касается все, что касается моего жениха.

— Может, тогда и вину за убийство магистра Таймуса вы с ним разделите пополам?

— Что?

Я замерла. Во рту стало сухо.

— Вы услышали меня правильно, — холодно повторил главный дознаватель. — Ваш жених обвиняется в убийстве магистра Таймуса. Его вина доказана. Наша задача — выяснить, не стоит ли за ним кто-то еще. Поэтому, будьте так добры, мадемуазель, ответьте на вопрос. Когда вы в последний раз виделись с графом Вейраном?

— Вчера.

Я опустила глаза. От мадам Симоны так и веяло неодобрением.

— Мы встретились с ним ночью в саду всего на несколько минут, — решила быть честной до конца. — Говорили о выпускном, о нашей свадьбе.

— Вам ничего не показалось странным?

— Нет, все было как всегда. — Глаза защипало от слез. — Послушайте, Анри не мог этого совершить! Он очень хороший, добрый человек и гордился тем, что служит у магистра Таймуса. Он бы никогда...

— В этом будем разбираться мы, мадемуазель Лерьер, — перебил меня Дареаль. — Вам же советую забыть об этом человеке и порадоваться, что не успели стать его женой, иначе участь ваша была бы незавидна. Скажите, не называл ли граф Вейран каких-либо имен? Не просил передавать писем?

— Нет. Анри мало рассказывал о службе. Мы виделись крайне редко, герцог Дареаль.

Мне хотелось, чтобы наш разговор закончился. Мне нужно было остаться одной, подумать, осознать. В то, что Анри — убийца, я не поверила бы никогда! Он человек кристальной честности. И то, что говорили эти люди, казалось бессмыслицей, чьей-то дурной шуткой.

— И все же вспомните, — настаивал главный дознаватель. — Может, он был за что-то обижен на магистра?

— Нет, он говорил, что магистр Таймус — справедливый человек.

— Тогда почему он его убил?

— Он не убивал.

— Вы не можете этого знать! — Дареаль наседал на меня.

— Могу. Анри — не убийца.

— Вы ошибаетесь.

— Нет.

Наш разговор походил на какую-то плохую пьесу. Я чувствовала себя куклой — оболочка осталась, а мысли и чувства были где-то далеко. Дареаль спрашивал, я односложно отвечала — ничего больше. Только то, что Анри не виноват. Наверное, даже если бы я лично видела, как Анри убил Таймуса, не поверила бы своим глазам и доказывала его невиновность.

— Что вам известно о друзьях жениха? — Дареаль решил зайти с другой стороны.

— У него было не так много друзей, только однокурсники и сослуживцы.

— Имена?

— Я с ними лично незнакома.

— Имена, мадемуазель! — громыхнул Дареаль.

— Герцог Дареаль, — вдруг раздался голос мадам Симоны, — вы выходите за рамки приличия. Попрошу вас немедленно покинуть мой коллеж.

— Эта девчонка перестанет быть вашей воспитанницей уже через неделю, — рыкнул дознаватель, — и тогда мы с ней поговорим иначе.

— Эта девчонка, как вы выразились, наследница одного из древнейших родов Гарандии, и никогда — вы слышите, — никогда не опустится до того, чтобы запятнать свою честь!

Герцог Дареаль вылетел из кабинета, даже не поклонившись. Его молодой коллега последовал за ним, обернувшись на прощание, как бы извиняясь. А я закрыла лицо руками. Слез не было. Я все еще не верила, не понимала. А мадам Симона мягко коснулась моих волос.

— Ну-ну, девочка, — пробормотала она. — В одном этот ворон прав. Хорошо, что ты не успела связать свою судьбу с графом. Дознаватели никогда не выпустят его из своих лап, даже если поймут, что ошиблись.

— Нет, так нельзя. — Я подскочила с кресла. — Надо что-то делать! Анри не мог!

— Ты совсем юная, — вздохнула Симона, — и почти не видела жизни за стенами коллежа. Поверь, Полли, даже самый честный на вид человек может оказаться отъявленным подлецом.

— Только не Анри!

— Я повторю тебе слова Дареаля, дитя. Забудь об Анри Вейране. Вычеркни его из своей жизни. Ты молода, красива, знатна. У тебя все впереди. А с графом пусть разбирается герцог Дареаль.

Я опустила глаза. Спорить не было сил. Хотелось забиться в самый дальний угол коллежа и реветь, пока воздух не кончится в груди. Я пробормотала скупые слова благодарности и бросилась прочь. Дальше, дальше! В сад. Но дверь оказалась заперта. Точно, ограничения... Тогда я забилась под лестницу, туда, где хранились швабры и тряпки, и тихонько заплакала. Боль рвала сердце. Рушилось все, что казалось таким близким и осязаемым. Анри! Как они могли подумать? Не разобравшись, не расставив все по местам! Я была уверена, что он ни при чем. Кто угодно, только не Анри. Я бы скорее поверила в то, что небо упадет на землю, чем в то, что Анри может убить невинного человека. Голова кружилась. Нет, так нельзя! Но я не знала,

как ему помочь, как оправдать. Что могла выпускница коллежа против орды дознавателей? Ничего. Поэтому оставалось в отчаянии заламывать руки и плакать.

К вечеру я напоминала призрак самой себя. А еще заметила, что другие девушки, даже мои подруги, сторонятся меня. Что ж, новости распространяются быстро. Откуда мне знать, не подслушивал ли кто-нибудь у кабинета Симоны? А может, удалось получить весточку из внешнего мира? У меня не было сил даже обижаться. Надо раздеться и лечь спать. Чтобы завтра утром... Что? Что мне делать завтра? Послезавтра? Через месяц, год? Моя жизнь в один момент потеряла смысл. Все, к чему я стремилась, рухнуло, поставив под вопрос само мое существование.

Но я убеждала себя, что все разрешится. Раз Анри невиновен, его освободят. Ведь освободят же? Решила пойти к себе. Нужно поскорее уснуть, и тогда приблизится миг, когда все встанет на свои места. Только дойти до комнаты я не успела.

— Полина! — окликнула меня мадам Жаннетт. — Пройди, пожалуйста, в кабинет директора.

Снова? Что-то изменилось? К добру или нет? Я поспешила за наставницей. Сердце билось гулко и быстро-быстро, когда во второй раз за день распахнула дверь в кабинет мадам Симоны. И снова она была там не одна. Напротив нее в кресле сидела моя матушка.

— Полли! — кинулась она ко мне, стоило войти, и стало заметно, что она в ужасе. — Собирайся немедленно, я забираю тебя из коллежа.

— Но почему? — Я смотрела на маму — и не понимала. — А как же диплом? Выпускной?

— Вы уже сдали все экзамены, Полина, ваше обучение завершено, — чопорно сказала Симона. — Поэтому вот ваш диплом.

И на стол лег свиток с тремя печатями — моя цель и мечта, потому что окончание коллежа означало свадьбу с Анри. Но теперь меня ничего не ждет, и появление матери расставило все по местам. Не будет никакой свадьбы. Ничего не будет.

— Благодарю, мадам Симона, — ответила я. — Эти годы дали мне не только знания, но и уроки жизни, я не забуду их.

Раз мне больше здесь не место — что ж, стоит поторопиться. Потому что в стенах коллежа я ограничена, а мать сможет рассказать, что случилось на самом деле. Чтобы Кристина Лерьер — и не знала? Этого не может быть. Матушка была одной из первых леди столицы и знала решительно все. Поэтому я холодно простилась с мадам Симоной — холоднее, чем хотелось бы, но мы все сказали друг другу еще днем. Затем обняла мадам Жаннетт — она всегда хорошо ко мне относилась, хоть и бывала порой излишне строга. Подругам не сказала ни слова, они шарахались от меня, будто от прокаженной. Хотя в их глазах стояли слезы. Что ж, вот и перевернута очередная страница моей жизни. Счастливая страница, в которой у меня было будущее. А сейчас я боялась, потому что не знала, каким будет следующий шаг. Знала только, что как раньше уже не будет.

Подхватила небольшую сумку — платья пришлют потом, а вот книги и безделушки стоило забрать самой. Туда же отправилась самая ценная вещь — шкатулка, подарок Анри. В ней хранилась брошка, когда-то принадлежавшая его бабушке. Анри хотел сделать мне подарок на свадьбу, но не удержался и отдал брошь раньше. Что ж, я сберегу ее, чего бы это ни стоило.

В последний раз взглянула на комнату, где прожила последние годы, на свою опустевшую кровать и решительно направилась к выходу. Матушка ждала меня у экипажа и в нетерпении ходила из стороны в сторону. Вуалетка на шляпке дрожала от ветра.

— Наконец-то! — заметила она меня. — Надо поторопиться, Полина. Нам еще собираться. Вряд ли мы в скором времени вернемся в столицу.

— Куда мы едем? — спросила тихо.

— В родовое имение. Там можно будет переждать тяжелые времена.

— Мама, я...

— Полли, разговоры потом. Садись в экипаж.

Мне оставалось только послушаться. По крайней мере, от матери я получу ответы, которых мне так не хватает сейчас. И узнаю, почему обвиняют Анри. Тогда уже можно будет решить, как мне быть.

Глава 3

Я не любила наш столичный дом. Он всегда казался мне излишне помпезным, а после смерти отца из него будто ушла жизнь. Что толку возвращаться домой, когда знаешь, что тебя там не ждут? Я любила свою мать, но наши отношения были всегда с легкой толикой прохладцы. Мы не делились секретами, не обсуждали ничего из того, о чем обычно говорят мать и дочь. Траур по отцу давно минул, у матушки было много ухажеров, она имела вес в обществе. А я училась и дома бывала только на летних каникулах и в период зимних балов. Слишком редко, чтобы отношения потеплели.

С отцом было не так. Демиан Лерьер был одним из сильнейших магов, с ним считались магистры тьмы и света. Но это не мешало ему быть любящим отцом. Увы, у него так и не родился долгожданный сын, была только я — и принесла бы своему мужу еще один титул. Громкий титул, что скрывать. Каким бы сильным магом не был отец, это не спасло его от наемного убийцы. Кому была выгодна его смерть? Многим. Матушка предпочла не искать истину, а спасти свою жизнь. Меня же отправила в коллеж, подальше от чужих глаз.

Поэтому особой радости от возвращения домой я не испытывала. Матушка заметалась по комнатам, подгоняя прислугу, а я обессилено села на диван в гостиной и замерла. Мне надо было поговорить с ней, узнать, что ей известно об аресте Анри.

— Полли, ты здесь, — появилась она в дверях. — Ты бы прилегла, вставать рано.

— Не хочу, — качнула головой. — Матушка, куда мы так торопимся?

Я знала ответ, но хотела услышать от нее.

— Ладно, давай поговорим. — Мама села напротив. Ее красивые светлые волосы растрепались — в детстве я всегда жалела, что мне достались темно-русые локоны, как у папы, а сейчас, наоборот, радовалась. Она ломала в руках веер. Этот неотъемлемый аксессуар любой светской дамы.

— Мама?

Молчание затягивалось.

— Послушай, Полли, — наконец сказала она. — Я разорвала твою помолвку с Анри Вейраном.

— Что? — Я даже с дивана подскочила. — Зачем?

— Разве ты не понимаешь? — Мать тоже перешла на повышенный тон. — Я знаю, к тебе приходил главный дознаватель. Симона сообщила мне. Полина, я не хочу, чтобы ты отправилась за этим юношей в пропасть! Как я могла подумать, что наследник Вейранов окажется убийцей? Хотя его отец...

— Что — его отец?

— Тоже был на особом счету у тайной службы, — закончила матушка.

— На особом счету? — Вот теперь я ничего не понимала!

— Да, старший Вейран всегда был несколько вольнодумен. Какое-то время ему это прощали, пока он не стал опасен, а затем мягко предупредили... Он тогда надолго покинул столицу. Видимо, дурное зерно проросло в старшем сыне.

— Не говори так! — воскликнула я. — Анри не мог убить магистра Таймуса.

— Он сделал это, Полли. Сняты магические слепки. Все говорит об одном! И Анри был у тела Таймуса, когда того нашли, слышишь?

— Это ничего не значит.

— Это значит, что он — убийца, Полли. И ты, как его невеста, попадаешь под подозрение. Поэтому нам тоже лучше какое-то время здесь не показываться. Все утихнет, успокоится. Я постараюсь как можно быстрее найти для тебя более достойного супруга.

— Я не выйду замуж за другого! — едва не закричала я.

— Не обсуждается, — отрезала мать. — Хочешь и вовсе остаться старой девой? Тогда лучше сразу вступи в орден пустынниц. Не факт, что на тебе вообще кто-то теперь захочет жениться.

— Я люблю Анри.

— Разлюбишь.

Да что с ними со всеми? Безумие! Хотя я понимала, в чем дело. Мать никогда не любила отца. Это была просто выгодная партия. Как она могла знать, что это такое, когда не можешь жить без любимого? А я не могла жить без Анри! Да, глупо, но это было так.

— Иди спать. — Мать поднялась с дивана.

— И как семья Анри отнеслась к разрыву помолвки? — спросила я.

— Какое мне дело? Они теперь в опале. Думаю, собираются так же быстро, как и мы. У них еще младший сын, надо подумать о нем.

— Я никуда не поеду.

Решение показалось простым, как никогда. Не поеду — и все тут. Я должна быть рядом с Анри. Что бы ни решил суд.

— Поедешь. — Мать, как и мадам Симона, не терпела отказов.

— Нет!

— Послушай, — в ее серых глазах мелькнула тоска и усталость, — если я и тороплю тебя с отъездом, то только для твоего же блага, Полли. Дознаватели уже взяли тебя под прицел. Думаешь, они оставят тебя в покое только потому, что ты — Лерьер? Нет, не оставят. Ты отречешься от своего Анри после первой же пытки!

Пытки? Перед глазами все поплыло, к горлу подкатила тошнота. Нет, нет...

— Иди к себе. Собери то, что действительно нужно, — печально сказала матушка. — Мы уезжаем надолго.

Я поднялась и медленно пошла к лестнице. Какая-то часть меня сейчас умирала. Наверное, та девочка, которая училась в коллеже магических искусств и мечтала выйти замуж за лучшего парня на свете. Ее больше не было, осталась я. Незнакомая, непонятная, пустая. В моей комнате привычно горели светильники, повсюду были вещи, знакомые с детства. Кровать под бежевым покрывалом казалась чужой. Чужими были книги, расставленные на полках. Это была комната девочки, но не взрослой девушки. Куклы с вытаращенными глазами, в которых я никогда не играла. Забавные картины на стенах.

Я открыла сумку, что захватила из коллежа. Выложила книги, оставила шкатулку, огляделась по сторонам. В том, что не поеду с матерью, я уже не сомневалась. Взгляд цепко выхватывал детали. Нужно взять пару смен белья, несколько приличных платьев — магия поможет все это вместить. Украшения, заколка, которую когда-то купил отец, медальон с портретами родителей, деньги — увы, слишком мало, но всегда можно будет продать драгоценности. Я собиралась быстро. Слуги не беспокоили меня, матушка руководила совсем другими сборами. Сумка была готова, но дом стоял на ушах, а потому мне не уйти незамеченной. И я позвала служанку. Она помогла мне раздеться и лечь. Матушка приказала отдохнуть? Что ж, я — послушная дочь. Постепенно шум затих... До рассвета оставалось около часа или чуть больше, когда я поднялась и спешно оделась. Захватила сумку. Теперь, главное, чтобы никто не увидел.

Выглянула в коридор. Никого. Можно было применить магию, чтобы скрыть свое присутствие, но на нее среагируют охранные заклинания, а этого я желала меньше всего. Поэтому отказалась от этой идеи, тихонько прокралась к лестнице и быстро спустилась вниз.

Выйти через центральный вход — значит, попасться на глаза охране. Охранников у нас было не так много, мы больше полагались на магию, но у входа дежурили всегда. Я свернула к кухне. Здесь было темно и тихо. Немного побродила по узким коридорчикам и оказалась у заветной двери во двор с хозяйственными постройками. Миновала его так стремительно, будто за мной гнались демоны, и добежала до калитки, которой пользовались слуги. Она была заперта. На этот раз выбирать не приходилось — я применила магию и выбежала на улицу. Кинулась прочь, но прежде чем свернула за угол, увидела, как к дому подъезжают несколько черных экипажей. Неужели за мной?

Ускорила шаг, а стоило свернуть — побежала. Быстрее, быстрее! Юбка путалась в ногах. Я подхватила ее, стараясь ускорить шаг. Ну же! Вот только куда идти? У меня не было никого, кто бы спрятал, помог. Нужно скрыться, переждать. Я поплутала еще немного, пока не замерла перед дверями постоянного двора. Вывеска гласила: «Приют путника». Само здание выглядело не особо уютно — серые стены и крыша, чуть запыленные окна. Зато вряд ли кто-то подумает, что наследница Лерьеров решит спрятаться в таком захолустье. Поэтому я набралась смелости и вошла.

Внутри оказалось жарко, даже душно. Я огляделась в смятении — в общем зале было малолюдно. Трое мужчин сидели за дальним столом и накачивались спиртным. Остальные, видимо, спали — все-таки час был поздний.

— Чем могу помочь, юная леди? — окликнул меня высокий мужчина с объемным брюшком, которого я поначалу не заметила.

— Здравствуйте, — откликнулась я. — Мне нужна комната... на неделю. Может, две.

— Тогда вы пришли по адресу, — широко улыбнулся хозяин. — Можете звать меня дядюшка Дон. Думаю, вам нужна одноместная комната?

— Да.

— Это будет стоить два серебряных за день.

— Хорошо.

Сейчас мне было все равно, сколько стоит комната. Хотелось где-то приклонить голову и немного отдохнуть. Поэтому я безропотно пошла следом за хозяином вдоль узкого коридора. Из-за некоторых дверей доносился богатырский храп, за другими было тихо. Наконец мы добрались до предпоследней двери, и дядюшка Дон повернул в замке ключ.

— Прошу, юная леди...

— Мартина, — ответила я. — Мое имя — Мартина.

— Вот и познакомились. Взгляните, в комнате есть кровать, шкаф, стол и стул. Даже зеркало есть старинное. Все, что нужно девушке ваших лет. Уборная за дверью, подогрева воды нет, уж не обессудьте.

Разве подогрев воды — это беда? После ареста Анри я знала, как выглядит настоящая беда. У нее глаза главного дознавателя магистрата, а голос директора Симоны или мамы, который твердит: «Забудь». Но я не желала забывать. Поэтому свернулась клубком на чужой кровати, пропахшей сыростью, и дала волю слезам. Слезы лились ручьем, вымывая из сердца боль. Становилось немного легче, но затем горечь снова накатывала волной, и я захлебывалась плачем. К утру, обессилив от горя, я уснула.

Когда проснулась, время перевалило за полдень. Хотелось есть — несмотря на опустошение, организм требовал своего, и я заставила себя подняться с кровати. Зеркало отразило далеко не радужную картину. Возникло ощущение, что на лице остались живыми только глаза. Щеки пылали лихорадочным румянцем, под глазами залегли тени. Заставила себя умыться, а затем вышла в общий зал. Сейчас здесь было куда многолюднее, чем ночью. Люди веселились, смеялись, обсуждали последние новости.

— А, мадемуазель Мартина! — заметил меня хозяин. — Желаете отобедать?

— Да, пожалуй, — ответила я, хоть при мысли о еде только затошнило, а затем заняла место в дальнем углу, чтобы лишний раз не попадаться никому на глаза. Подавальщица, девчонка лет четырнадцати, поставила передо мной тарелку с аппетитным рагу, чай и булочки. Я взялась за вилку. Поначалу не прислушивалась, что говорят за соседними столиками, но знакомое имя привлекло внимание.

— И все-таки гибель Таймуса слишком загадочна, — говорил молодой человек лет двадцати пяти. — Ни за что не поверю, что этот парнишка гвардеец действовал один.

— А может, не он? — спрашивал его друг.

— Говорят, он. Ну, сам подумай. Таймус — сильнейший маг, а этот парень — вчерашний курсант. Он что, совладал бы с магистром? Да и зачем ему? Нет, Пит, тут нечто другое.

— А мой брат служит в городской тюрьме, — вмешался в разговор третий. — Парень этот не признается ни в чем. Братец сказывал, весь арсенал дознавательский, разрешенный магистратом, на него перевели — ничего. Сегодня главный дознаватель поехал к магистрам тьмы и пустоты за разрешением на использование запрещенных методов.

Вилка выпала из моих рук. Я отодвинула тарелку, кинула хозяину плату за обед и пошла прочь. Ноги дрожали, я почти не понимала, куда иду, но вместо того, чтобы вернуться в комнату, вышла на улицу. Сегодня было ветрено. Ветер тут же растрепал волосы, не защищенные шляпкой. А я все шла и шла. Мне надо было поговорить хоть с кем-то. С кем угодно, кто мог помочь. Пойти к родителям Анри? Посреди белого дня это равнялось бы самоубийству. Раз тайная служба наведася и в коллеж, и ко мне домой, значит, за их домом следят, и только ночью... Ночью можно было бы попробовать. И я побрела без определенной цели, не глядя по сторонам. Надо же, магистр Таймус погиб — а в столице ничего не изменилось. Будто и не было его. Будто светлая башня не осталась без хозяина. О том, что случилось непоправимое, можно было судить только по разговорам людей. Я прислушивалась к ним в надежде узнать хоть что-то, но слышала только досужие домыслы. Кто-то считал, что Анри виновен. Кто-то — что за ним стоят другие личности. Уверенных в его невиновности не находилось.

Уже ближе к вечеру я свернула в один из скверов, без сил упала на скамью и просидела, пока не стемнело. К дому Вейранов шла очень медленно, постоянно оглядываясь. Надо прокрасться к заднему входу, а затем попросить слуг проводить меня к хозяевам. Хотелось верить, что они не откажутся меня принять после того, как матушка разорвала помолвку.

Когда осталась только пара поворотов, напустила на себя морок — элементарное заклинание, которое по зубам любому сыщику, но от простых людей защитит. Я стала прогуливаться вдоль забора, приглядываясь к каждому встречному. В окнах горел свет — значит, хозяева дома, а не убежали в панике из столицы, как собиралась моя мать.

Наконец я заметила почти скрытую зеленью калитку. В последний раз огляделась по сторонам — и дернула на себя. Ожидаемо закрыто. Привычное заклинание на замок... и меня тут же втащили внутрь два дюжих молодца.

— Кто? Что надо? — рявкнули в лицо.

— Я — Полина Лерьер, — пробормотала в испуге, — невеста Анри Вейрана.

— Мадемуазель Лерьер? — Старший из охранников отпустил мой локоть. — Но что вы здесь делаете?

— Хочу поговорить с графом Вейраном и его супругой, — ответила я. — Если вы не верите, кто я, они подтвердят.

— Что ж... — Кажется, мне удалось поколебать решимость охраны. — Идите за нами, мадемуазель Лерьер.

Мы миновали узкую дорожку, ведущую к дому, попетляли по коридорам. В отличие от моего дома здесь царило оживление совсем иного рода. Все в особняке Вейранов будто готовилось к войне.

— Что происходит? — спросила у охранника.

— Нам угрожают, — ответил тот. — Требуют, чтобы мы немедленно покинули столицу, иначе ответим за грехи месье Анри. Только не на тех напали!

— Зубы обломают, — фыркнул второй парень. — Сюда, мадемуазель. И подождите минуту, я о вас доложу.

Я очутилась в уютной гостиной, залитой искусственным светом. В воздухе витал запах мяты, окна наглухо закрывали тяжелые шторы. Я присела на край софы, но почти сразу же поднялась на ноги — в дверях появилась мать Анри, графиня Анжела Вейран. Она была чуть старше моей мамы, но при этом ее отличало настоящее величие, которое не знало возраста. Именно такой графиня Анжела и врезалась в мою память — с горделиво расправленными плечами, идеальной осанкой и колкой полуулыбкой на губах. Сильная женщина, которая знала, чего хотела от жизни и не собиралась склоняться перед трудностями.

— Вы? — Она взглянула на меня свысока. — Мне казалось, мы с вашей матушкой выяснили все, мадемуазель Лерьер, и нам больше не о чем разговаривать.

— Я знаю, что матушка разорвала помолвку, — тихо ответила я, отступая перед великой силой этой женщины. — Но я не давала на это своего согласия. Я люблю Анри и по-прежнему желаю стать его супругой.

Взгляд графини немного потеплел, она будто сняла маску, и стала заметна неизбывная усталость. Сколько бессонных часов она провела? Вряд ли меньше меня. Ее старший сын мог в любой момент проститься с жизнью. Анжела знала об этом — и все равно держала себя в руках так, что никто не видел ее боли.

— Я рада это слышать, — ответила она. — Анри всегда говорил, что ты — лучшая из всех, кого он знает. Мне казалось, что это блажь влюбленного мальчишки, но, видимо, я ошиблась. Зачем ты пришла, Полли? Не хотелось бы, чтобы тебя здесь видели.

— Ко мне уже приходили дознаватели. Думаю, они хотят и меня арестовать. Но я сбежала. А к вам пришла потому, что мне никто ничего не говорит! Я не знаю, что с Анри. Не знаю, что там произошло. Я с ума сойду!

Непрошенные слезы обожгли глаза. Я постаралась незаметно смахнуть их, но Анжела, конечно же, все заметила.

— Тише, тише, девочка. — Она обняла меня за плечи и усадила обратно на софу. — Мы тоже ничего не знаем. Может, нам известно чуть больше, только толку от этого нет.

— Ну, хоть что-то! — взмолилась я.

— Хорошо, я постараюсь... — Анжела сжала в кулачке белый кружевной платочек. — В тот день Анри ушел на службу как обычно. Должен был вернуться ближе к вечеру. Мы попрощались — я тоже проснулась рано, как знала.

Графиня замолчала. Минуту или две она сидела неподвижно, а я не решалась заговорить.

— А потом уже после полудня... — наконец она собралась с мыслями, — зазвонил колокол. Я тут же поняла, что с Анри что-то случилось. Конечно, не думала, что такое... Ведь Таймус не жаловался на здоровье. Мой супруг тут же поехал на место происшествия. Там, сама понимаешь, все было оцеплено, но у нас много друзей в магистрате. Анри уже там не было, а Виктору сказали, что сын — убийца. Готова поклясться, Полли, прошло не более получаса. Как можно за полчаса выяснить все доподлинно, если в кабинете были только Таймус и Анри?

— Видимо, поэтому все так и решили, — тихо сказала я. — Раз посторонних не было.

— Полли, это могло быть что угодно. Заклинание или сущность, или кто-то сумел-таки выбраться незамеченным. Мы столько всего передумали! Сейчас Виктор опять разговаривает с бывшими коллегами. Он ведь тоже долгое время служил в отделе дознания.

— Да? Я не знала, — качнула головой. — Думала, что он — военный, как и Анри.

— Нет, но одно время Вик работал в тайной службе. Так вот... За эти пару дней мы подняли всех, кого могли. Но мне кажется, милая, что кому-то очень надо избавиться от Анри. К сыну никого не пускают, даже защитников. Никого! Я даже не знаю, жив ли он...

И Анжела прислонила платочек к глазам.

— Жив, — уверенно ответила я. — Он нужен им для суда.

Графиня склонила голову. В эту самую минуту распахнулась дверь в гостиную, и в комнату ворвался отец Анри. Увидел меня — и замер с таким выражением на лице, будто перед ним была змея, а не человек.

— Вы? — спросил холодно. — Чему обязаны?

— Успокойся, Виктор. — Анжела поднялась мужу навстречу и взяла его за руки. — Полли пришла сказать, что мадам Лерьер отменила помолвку без ее ведома. Она, как и мы, не сомневается в невиновности Анри.

Похоже, Виктор не поверил, но внимание на меня обращать перестал.

— Я говорил с Карьеном, — отрывисто сказал он. — Тем служащим из отдела дознания, помнишь? Иногда такие бумажные крысы знают больше, чем иные высокопоставленные личности.

— И что? — В глазах Анжелы читалась надежда.

— Ничего хорошего. Такое чувство, что в отделе дознания прекрасно знают, что Анри невиновен, но им нужно назначить кого-то виновным, а он подходит лучше других.

— Но почему никто ничего не делает? — воскликнула Анжела в отчаянии.

— Потому что после убийства Таймуса в столице сложилась беспокойная обстановка. Магистр мертв. Надо дать людям виновного в его смерти, а не расписываться в своей беспомощности. Я не знаю, что с этим делать, Анжела. Карьен настоятельно советовал уехать.

— И отречься от сына? Ни за что!

— Я тоже так ответил, — вздохнул Виктор. — Но хотел бы, чтобы вы с Филиппом действительно на время...

— Нет!

Виктор не стал спорить — было совершенно ясно, что графиня не отступит. Я тоже в этом ничуть не сомневалась.

— Что ж, пусть так, пусть так, — повторил он.

Вдруг за окнами раздался шум.

— Что это? — обернулась Анжела.

Я первой подбежала к окну, отодвинула тяжелую портьеру и увидела огни. Множество огней, которые стекались к особняку с окрестных улиц.

— Родители убийцы! — слышались разрозненные крики. — Горите в вечном пламени!

— Палачи! Не простим!

— Что они делают? — прошептала я. — Это ведь безумие.

— Покайтесь! — кричал кто-то. — Признайте, что ваш сын — чудовище.

— Отвечать должны все!

— Тебе надо уходить. — Вся растерянность Анжелы мигом исчезла, и она схватила меня за руку. — Прислуга выведет тебя через тот же ход, которым ты вошла.

— Анжи, тебе стоит уйти с Полиной, — нахмурился Виктор, словно решая что-то.

— Без тебя? — Передо мной снова была не сломленная горем женщина, а гордая графиня. — Ни за что! Я давала тебе брачный обет — и не нарушу его.

— Тогда поспешим. Полли не должны застать здесь. Это наша битва.

Первые камни полетели в окна, но охранные заклинания отбили их, и мы услышали только глухой стук.

— Полли, — Анжела сжала мои руки, — я верю, ты любишь нашего сына. Послушай, если вдруг ты увидишь его раньше нас, скажи, что мы очень сильно его любим, гордимся им и ни за что не поверим в его вину!

— Скажу, — пообещала я. — А если вы встретитесь с ним раньше, передайте то же самое!

— Жерар! — громко позвала Анжела, и в комнате появился один из моих недавних провожатых. — Выведи девочку и проводи до... Где ты остановилась?

— На постоялом дворе, — ответила я.

— До постоялого двора. Филипп еще не вернулся... Хотя это, наверное, и к лучшему. Если увидишь его — уведи.

— Слушаюсь, госпожа, — склонил голову Жерар. — Следуйте за мной, — повернулся ко мне он.

Я не сдержалась и обняла мадам Анжелу. Кивнула ее супругу и побежала за Жераром. Ступеньки лестницы словно пролетали под моими ногами, а когда мы выбежали на улицу, в воздухе плыл запах гари.

— Сюда скорее, — скомандовал Жерар. — Надо поторопиться, мадемуазель, чтобы изнутри усилили охранные заклинания.

Я бежала со всех ног. Мы выскочили за калитку — и вспыхнули щиты, ограждая дом от обезумевшей толпы. Я почувствовала, как меня окутывает заклинание отвода глаз — это постарался Жерар, чтобы никто не заметил, откуда мы появились.

— Быстрее, — торопил он меня. — Сюда, мадемуазель. Скорее же.

Но дальше было не пройти. Дорогу нам перекрыли трое.

— Эй, куда собрались? — гаркнул один.

— А это не слуга ли из дома Вейранов? — узнал Жерара второй. — Ты-то нам и нужен, голубчик!

— Бегите, — шепнул мне Жерар и атаковал их.

Я свернула в ближайший проулок. Надо было остаться! Надо было... Но что я могу? Я ведь не боевой маг, девушек этому не учат. Буду только путаться под ногами. Нет, надо привести помощь. Обратиться в ближайший участок службы порядка. Родители Анри не виноваты в том, что его арестовали. Они — уважаемые люди. Стоит поспешить, иначе их дом разнесут по кирпичику! И я ускорила шаг, все еще надеясь помочь семье человека, которого любила.

Глава 4

Наверное, это безумно глупо — искать участок службы порядка, когда меня саму ищут дознаватели. Но в ту минуту я не понимала, что делаю. Только хотела помочь родителям Анри, поэтому металась по запутанным улочкам, заполненным людьми. Кто-то нес факелы, кто-то тащил камни. Город будто обезумел, и посреди этого безумия я все искала знакомый знак. Наконец впереди появилась желанная табличка с кругом, перекрещенным двумя мечами. Сюда! Я забарабанила в дверь с такой силой, что заболела рука.

— Кого там принесло на ночь глядя? — раздался голос изнутри, и щелкнул, открываясь, засов. — Что надо?

Я уставилась на грузного мужчину в поношенной форме. Он же смотрел на меня как на муху, которая вдруг решила помешать его ужину.

— Помогите! — воскликнула я. — Там толпа, они хотят ворваться в дом...

— Чей дом, девочка? — Взгляд стражника тут же стал пристальным, настороженным.

— Графов Вейранов.

— А! — И мужчина тут же утратил ко мне интерес. — Вмешиваться не велено. И тебе не советую, если не хочешь провести несколько дней за решеткой. Ступай.

И дверь закрылась. Я в отчаянии ударила по ней ногой. Засов снова заскрипел — и я бросилась бежать. Туда — обратно, к дому Анри. Вот только прорваться я уже не смогла. Вспыхивали щиты, отражая атаку за атакой, — на это указывали отблески за крышами домов, а на улице бушевала толпа. За границами толпы притаились два черных экипажа. Тайная служба наблюдала издали, не вмешиваясь. Я тут же остановилась, а затем повернула направо, в то

время как «демоны», как называли за глаза мужчин из тайной службы, остались слева. Попыталась вклиниться в толпу — не тут-то было! Какой-то дядька в колпаке набекрень грубо оттолкнул меня:

— Куда прешь?

Обошла его — и снова потерпела неудачу. Я осознавала, насколько глупыми были эти попытки. Граф Вейран — сильный маг, он справится, а я буду только мешаться под ногами. Но и оставаться в стороне не могла, поэтому предприняла третью попытку прорваться к дому. На этот раз мне повезло чуть больше — я даже добралась до соседней улицы, чтобы увидеть кольцо огня вокруг дома и безумные лица людей, полные гнева и ярости.

— Уничтожить!

— Истребить, как крыс!

— Не уйдут! — слышалось со всех сторон. И вдруг я заметила знакомое лицо. Филипп Вейран! Младший брат Анри. Он тоже пытался прорваться к дому, орудовал кулаками, ногами, но его раз за разом выносило обратно, будто волной, а при последней попытке и вовсе кто-то наотмашь ударил Филиппа по лицу. Взметнулась магия. Толпа оживилась — среди нее тоже хватало магов, и я поняла, что мальчишку просто разорвут на части!

— Филипп! — кинулась к нему, схватила за рукав камзола.

— Полина? — Он вытаращил глаза, будто я ему приснилась.

— Идем.

Я увлекла его в сторону, в какую-то нишу, не представлявшую интерес для толпы.

— Пусти! — вырвался он. Отчаянный, растрепанный, с кровавой ссадиной на лбу и наливающимся синяком на скуле. — Мне надо домой.

— Нельзя, не сейчас. Они растерзают тебя. Твои родители внутри, а ты-то снаружи!

— Но я...

— Тихо. — Я заметила, что к нам подозрительно прислушивается женщина в переднике. — Идем отсюда.

Я схватила Филиппа под локоть и потащила прочь. Он не упирался — понял, что права. Мы шли, пока толпа не осталась позади, и только тогда я замедлила шаг.

— Что происходит? — почти шепотом спросил Филипп. Он был в ужасе, я видела это. Но что мог сделать мальчик, которому едва минуло шестнадцать, против разъяренной толпы? Так же мало, как и я. Он тоже это понимал, вот только смириться не мог. И если бы не я, он бы ни за что не ушел.

— Я была у тебя дома, когда они начали собираться, — шептала торопливо. — Не знаю, чего они хотят, но тебе лучше пока пойти со мной. Вернемся утром. Рано или поздно они утихомируются, а на особняке хорошая защита. Если ты попытаешься прорваться внутрь, родителям придется выйти тебе навстречу.

— Ты права. — Филипп опустил голову. — Но служба порядка...

— Я была там. Мне отказали. Можем обратиться в главное управление, только стражник сказал мне, что приказано не вмешиваться. Значит, у них такой же приказ.

Филипп в раздумье запустил в темные волосы испачканную пятерню, остановился. И, признавая мою правоту, пошел следом, а я свернула к постоялому двору. Толпе не прорваться в особняк. Говорила себе это снова и снова. А если и прорвутся, что они могут против наследников древнего магического рода? И все-таки я не понимала! Разве виноваты родители Анри, что его обвиняют в преступлении?

— Знаешь, Полина, — снова заговорил Филипп, — мне показалось, что кто-то специально натравил толпу на наш дом. Зачем людям его громить? Да, магистра Таймуса все любили, и что с того? При чем здесь мама и папа?

Я молчала. Что мне ему сказать? Что сказать юноше, который знает, что над его близкими нависла беда, — и ничего не может сделать? Только крепче сжала его локоть, чтобы никуда не

делся. Так мы и шли до самого постоянного двора. Тихонько нырнули внутрь, чтобы оказаться за спасительными стенами, и торопливо прошли в мою комнату.

— Входи, — пропустила я Филиппа. Мы оба забыли о манерах, обращаясь друг к другу на «ты», хотя до этого виделись только на помолвке. Фил зашел, оглянулся по сторонам, обернулся ко мне:

— Почему ты здесь живешь?

— Сбежала из дома, — ответила, присаживаясь на стул. — Мать хотела, чтобы я уехала из столицы, но не могу. А когда уходила из дома, видела, как у ворот остановился экипаж дознавателей.

— Они считают, что вы с Анри заодно?

— Они предполагают, что это могло быть так.

Филипп ударил рукой по стене. Его глаза, зеленые, как и у брата, зло блестели от слез.

— Я не понимаю! Не понимаю, Полина. Анри ведь не мог. Почему все твердят одно? При этом настоящий убийца разгуливает на свободе, а его даже никто не ищет. Хотят предоставить наряду наиболее вероятного преступника?

— Видимо, так.

— Твари!

И Фил рухнул на стул, закрывая лицо руками. Я протянула руку, погладила его по плечу, но он отшатнулся. Ему не нужна была моя жалость.

— Где ты был допоздна? — решила, что тему лучше сменить. Вот только ответ поставил меня в тупик.

— Пытался пробраться в светлую башню. Почти получилось, заметили в последний момент, еле ноги унес.

Заметили в последний момент? Покосилась на Филиппа уже совсем другим взглядом.

— Это безрассудно.

— А что ты предлагаешь? — фыркнул он. — Ждать? Пока Анри казнят? Просто потому, что так надо?

— Если бы тебя поймали, ему было бы еще хуже. Сказали бы, что ты решил замести следы.

— Два дня спустя?

— А им-то какая разница?

Филипп опустил голову, признавая мою правоту. Так мы и сидели какое-то время, не глядя друг на друга. Время перевалило за полночь. Глаза слипались.

— Может, ляжем спать? — спросила я.

Фил так посмотрел, что вопрос показался мне неуместным. Сама, не раздеваясь, забралась под покрывало и закрыла глаза, на всякий случай оставив ему часть спального места. Не прошло и четверти часа, как кровать скрипнула. Филипп все-таки лег. Вот только уснуть не мог — вскоре я услышала тихий всхлип. Еще и еще один. Развернуться — сбежит. Я все-таки ему чужая. А лежать и слушать — разрывается сердце. Я не выдержала, повернулась, чуть не уткнувшись носом в пушистый затылок. Погладила по спине и затихла — пусть знает, что я рядом.

— Спасибо, — донесся тихий ответ. — Спасибо, что не веришь.

Я вздохнула, посомневалась мгновение — и обняла мальчишку. Так и уснула, а когда проснулась, за окном едва рассвело. Постоялый двор тонул в тишине, которая казалась злоедей. Полежала немного, не желая будить Филиппа. Вот только разве он спал? Стоило пошевелиться, как тот обернулся:

— Ты проснулась? Может, пойдем уже?

Да, его мысли были не здесь — и мои тоже. Поэтому собиралась я быстро — поправила платье, переплела волосы, накинула тонкий плащ с капюшоном. Утром бывает прохладно, и

он не вызовет вопросов, а капюшон пригодится. Фил и вовсе только причесался. Он казался таким бледным! И вчера мы были настолько измотанными, что даже не обработали его раны. Сейчас он еле оттер кровь со лба, я заклинанием убрала синяк и ссадину с его лица.

— Идем! — взмолился Филипп.

— Хорошо, хорошо.

Снаружи было свежо и пусто. Будто толпа, набушевавшая за ночь, улеглась подобно шторму на море. За всю дорогу до богатых кварталов мы встретили всего пару человек. Улицы словно вымерли, и было не по себе.

— Знаешь, у меня такое чувство, что вчера нам все приснилось, — не выдержал гнетущего молчания Филипп.

— У меня тоже, и уже не первый день, — ответила я. — Все время кажется, что я проснусь, и все будет, как прежде. Но не будет.

Фил задумчиво кивнул. А я впервые обратила внимание, как не похожи они с Анри. Анри был светлым, открытым человеком. Рядом с ним было тепло и уютно. Он часто смеялся и улыбался. Фил был совсем другим. Я, конечно, понимала, что мы встретились не при наилучших обстоятельствах, но, несмотря на семилетнюю разницу в возрасте, Фил по характеру казался одноклассником Анри. Сосредоточенный, хмурый, упрямый. Я рядом с ним чувствовала себя не взрослой, а ребенком под строгим присмотром старшего брата.

— Не лети, — перехватила его за локоть. — Надо соблюдать осторожность.

Фил только дернул плечом — и снова помчался вперед. Поэтому и получилось, что на площадь, которая находилась за две улицы до их дома, он вырвался раньше меня на пару биений сердца. И еще не видя, что там, я поняла — нечто страшное. Потому что с мгновение назад живого лица сразу схлынули краски жизни. Филипп замер, судорожно хватая ртом воздух. Я выбежала за ним — и едва сдержала крик.

Площадь была пуста. Только в центре маячила импровизированная виселица. Кто сколотил ее так быстро, я не знала. Материалом послужили обуглившиеся доски, которые скрипели от малейшего ветерка. А на ней... Хотела бы я не видеть и не знать, потому что родителей Филиппа можно было узнать только по грязной одежде. Я видела вчера это платье на графине Вейран, и костюм графа тоже казался знакомым. А на лицах и телах не было живого места. Сплошная рана, будто налетел ураган — и изломал, швыряя на камни. К горлу подкатила тошнота. Я закусила губу, слепо шаря руками, чтобы найти хоть какую-то опору.

И только в эту минуту с губ Филиппа сорвался рык. Даже не рык — рев раненого зверя. Я схватила его в охапку, прижала к себе, не давая развернуться.

— Не смотри, — шептала, удерживая. — Не смотри.

Он дышал тяжело, глухо. Но больше не пытался обернуться, а у меня выбора не было. Я не верила! До конца не верила, что кто-то мог совершить подобное. На виселице было выведено углем: «Смерть тем, кто породил убийцу». «Как? Как так можно? Как?» — спрашивала себя снова и снова. Только вчера я говорила с графиней Анжелой. Только вчера ее супруг приказывал Жерару проводить меня, чтобы толпа не отыгралась за то, что вышла из их дома.

— Идем, — осторожно увлекла за собой Филиппа, — идем, Фил.

— Я хочу домой, — просипел он.

— Да, хорошо, только идем.

Мы свернули на ближайшую улочку. Я все еще держала Филиппа так крепко, как только могла, но теперь потому, что его шатало из стороны в сторону, и я боялась, что он упадет.

— Я не понимаю... — шептал он. — Я не понимаю, Полли. Я не верю!

Дернулся назад, но я перехватила — и повела дальше. Мы дошли быстро, но приближаться было опасно, поэтому вместо того, чтобы направиться прямо к дому, я осторожно выглянула из проулка.

У дома по-прежнему дежурили черные экипажи. Ждали? Нас, нас ждали! Особняк вопреки ожиданиям был почти цел, но ни окон, ни дверей не осталось. Пространство вокруг него было черным, выжженным. Там, где вчера были сад и цветник, лежал пепел. Стены тоже чернели, будто на них обрушилась стена огня.

— Убью! — Фил кинулся к экипажам. Я едва успела его схватить за пояс и почти зашвырнуть обратно в проулок.

— Нет, нет, пожалуйста, нет, — шептала ему. — Они и тебя убьют.

— И пусть! Пусть! Зачем мне жить, если... Зачем?

И он рухнул на колени, закрывая лицо руками. Я опустилась рядом с ним, что-то шептала на ухо, какой-то бред, который призван был его успокоить, но на самом деле не имел смысла. Осторожно помогла подняться на ноги и потащила прочь. Фил уже не упирался. Он шел как во сне. Слезы катились по щекам, но, казалось, он их не замечал.

— Тише, тише, — шептала я. — Уже недалеко.

Постоялый двор начинал пробуждаться. Ржали лошади, переговаривались конюхи, но в общем зале было всего четверо постояльцев и хозяин Дон.

— Вы рано гуляете, Мартина, — улыбнулся он мне.

— Встречала брата, он только что приехал, — загородила спиной Филиппа. — За комнату придется доплатить?

— Да, еще по серебрушке за день.

— Хорошо, я доплачу.

— А завтрак? Будете?

— Нет, позднее.

И увлекла Филиппа в коридор. У него на лице было будто написано все, что случилось, а хозяин мог нас выдать первому же патрулю. Поэтому успокоилась, только когда за нами захлопнулась дверь комнаты.

— Вот и все, — выпустила его из железной хватки, а сама заперла дверь на щеколду. Филипп слепо зашарил рукой перед собой, добрался до кровати и лег, отвернувшись лицом к стене. Он больше не плакал, но тем было страшнее. Глухое, мертвое молчание воцарилось в комнате. Я забилась в дальний угол, бесшумно рыдая. Слезы все катились и катились. Почему? За что? За что с ними так? Надо было убедить Вейранов уйти со мной, надо было... Хотя бы графиню Анжелу...

— Я убью их.

Вздрыгнула от звука чужого голоса, в котором с трудом угадывались нотки Фила.

— Кого? — пересела на кровать.

— Тех, кто убил родителей. Тех, кто подставил Анри. Найду и убью.

Фил говорил спокойно, и от этого было только страшнее, потому что это не были обещания, рожденные в момент душевной слабости, нет. Это была клятва.

— Прости, что приходится возиться со мной. — Фил поднялся и сел рядом. Он стал казаться еще старше, и мне было не по себе.

— Не извиняйся, я...

— Сейчас надо добиться, чтобы Анри оправдали. Ты мне поможешь?

— Конечно.

— Спасибо.

И снова лег лицом к стене. Я не стала его трогать. Только пристроилась на своей половине и смежила веки, стараясь избавиться от стоящей перед глазами пустынной площади с виселицей на ней. Я сделаю все, чтобы Анри оправдали. Но как потом ему рассказать, что случилось с его семьей?

Глава 5

К вечеру у Филиппа начался жар. Он в горячке метался по постели, а я применяла все известные заклинания исцеления. Они помогали на полчаса, на час — и пытка начиналась снова. Кажется, он уже не понимал, где находится. То звал меня, то разговаривал с родителями, и становилось жутко. Я держала его за руку и истово молилась светлым богам, чтобы сохранили ему жизнь и рассудок. Я не знала, как он справится. Как вообще можно справиться с тем, что он видел, но должна была хоть как-то облегчить его боль.

— Фил, миленький, — гладила горячую ладонь, — ты только не сдавайся. Я тебя никогда не оставлю, обещаю. Мы справимся.

Он вряд ли меня слышал. Только смотрел мутным взглядом — и снова закрывал глаза. Ночь превратилась в пытку. На рассвете мы оба забылись кратким сном, чтобы затем все продолжилось опять. В обед я заставила Фила выпить хоть немного бульона. У него не было сил сопротивляться — оставалось подчиниться. Сама по-прежнему не чувствовала голода, но тоже заставила себя поесть, иначе мы сляжем оба, а мне надо было вылечить Филиппа. Он весь горел, но, кажется, уже не бредил. Только все время молчал. Даже если я обращалась к нему, делал вид, что не слышит, и мне становилось очень больно. Но забота о Филе отвлекала от жутких мыслей. Надо быть сильной. Надо — ради него. Потому что у него и вовсе никого не осталось. Конечно, у Вейранов должны быть и другие родственники, но вряд ли они рискнут забрать его к себе.

К ночи снова стало хуже. Я то проваливалась в сон, то просыпалась, и к утру будто лишилась чувств — но, скорее, это был слишком крепкий сон. А когда проснулась, кровать была пуста.

— Фил? — Тут же подскочила на ноги. — Филипп!

— Тише ты. — Моя пропажа появилась в дверях уборной. С его волос стекала вода. — Я всего лишь решил умыться. Думаешь, далеко уйду?

— Тебе лучше! — С сердца будто камень упал.

— Да, немного. Прости за причиненные неудобства, я...

— Прекрати! Ты не виноват. Есть хочешь?

Филипп пожал плечами. Ни да ни нет. Я рискнула и пошла в общий зал, заказала завтрак, больше похожий на обед, и с подносом вернулась в комнату. Фил сидел на кровати, разглядывая что-то на стене. Он сильно похудел, наверное, от него осталась половина — всего за пару дней. Но казался спокойным, хоть я и понимала, что видимость обманчива.

— Ешь, — поставила на стол тарелки. — Суп с гренками пахнет просто замечательно.

И сама взялась за ложку, чтобы подать положительный пример. Филипп вздохнул, но взял стул и сел к столу. Ел он медленно, больше думая, чем жуя. И я знала, о чем. Поэтому его вопрос не стал для меня сюрпризом:

— Что слышно об Анри?

— Ничего. Я не выходила на улицу, все время была с тобой.

— И что мы будем делать дальше?

— Есть у меня мысли, — ответила ему. — Во-первых, хочу поговорить со старинным другом отца. Он — хороший человек, может помочь. Во-вторых, Анри сам себя не оправдает. Нам нужен толковый защитник. Об этом я тоже хочу попросить маркиза Авертаса. У него куда больше знакомых, чем у нас с тобой.

— А он тебя не выдаст? — поинтересовался Филипп, вылавливая гренку из супа.

— Откуда мне знать? Разве можно понять, кому стоит доверять, а кому — нет? Но я хотя бы попытаюсь.

— Я с тобой.

— Нет, Фил. Тебя, скорее всего, ищут.

— Тебя тоже, — тут же нахмурился мой новый друг. — Поэтому, Полли, мы пойдем вместе. Если что, я сумею тебя защитить.

Я рассмеялась, а Фил, кажется, обиделся, потому что еще больше помрачнел.

— Между прочим, у меня были лучшие учителя в стране, — буркнул он.

— И чему же они тебя учили? Травки собирать? Пускать солнечных зайчиков?

— Полина, ты что, еще не поняла? — В глазах Фила читалось удивление. — Я — темный маг. Не светлый, как Анри и родители.

— Темный? — Теперь настала моя очередь изумленно таращиться на Филиппа. — Но как?

Темная магия в Гарандии встречалась куда реже светлой — и что уж скрывать, была сильнее. Но Филу всего шестнадцать. Ему до входа в пору магической зрелости еще как минимум два года, а то и больше. А до шестнадцати у нас вообще учили только общим заклинаниям.

— Среди моих предков есть темные, — ответил он. — По маминой линии. Видимо, от них передалось. Мама сначала расстроилась, но отец говорил, что это к лучшему. Поэтому я действительно смогу тебя защитить, Полина. Да, не от всего и не от многотысячной толпы, но смогу.

Глупый храбрый мальчишка. Сердце сжалось от боли. Как уберечь его от этого кошмара? Никак. Уже никак. Придется выбирать вдвоем.

— И когда мы пойдем к твоему знакомому? — Фил отодвинул тарелку. К счастью, почти пустую.

— Завтра. Ты пока еще слаб, да и твой внешний вид... Надо купить тебе одежду. Не так же идти.

Выглядел Фил и правда потрепанно. Единственная рубашка пропахла чадом факелов, кровью и потом. Сейчас он надел жилет на голое тело — а что оставалось делать? Поэтому сначала покупки и трата наших скудных средств, а потом уже визиты.

— Обещаешь, что будешь тут? Я пройду до ближайшей лавки, — спросила его.

— Обещаю, — кивнул Филипп и снова лег, а я быстро собралась и поспешила прочь, предварительно убедившись, что дверь изнутри заперли на щеколду.

Что ж, за эти два дня мир не сдвинулся с места. Люди не перестали спешить по своим делам, торговцы — зазывать в лавки, дворники — мести улицы, а аристократы — разъезжать в роскошных экипажах. Одновременно между мной и ими будто пролегла пропасть. Мне казалось, что все на меня смотрят, хотя на самом деле это было не так. Поэтому я шла, опустив голову. Надо купить легкую накидку с капюшоном, потому что шаль все-таки не сильно подходила к времени года. А средств не так много, как мне бы хотелось. Чтобы продать украшения, нужно найти покупателя. Нужно, нужно, нужно. И если мы найдем защитника, ему тоже придется платить. Что же делать?

Зашла в первую попавшуюся лавку.

— Чем могу помочь, мадемуазель? — тут же появился рядом дородный торговец.

— Мне нужна одежда для брата. Ему шестнадцать, он приблизительно такого роста, как я, худощавый.

— Что именно нужно?

— Все, — призналась я.

Торговец понимающе кивнул, попросил подождать и скрылся, а в лавку вошли еще две женщины. В ожидании своей очереди они бродили вдоль прилавка, разглядывая милые женскому сердцу побрякушки: деревянные сережки, бусики из разноцветных кристаллов, тонкие браслеты с вплетенными оберегами.

— Нет, ты представляешь? — говорила одна. — Они еще и медлят! Надо было казнить убийцу на месте, это было бы правильно.

Я тут же насторожилась.

— Ну почему же? — ответила вторая. — Говорят, заседание будет открытым. Если так, я пойду и послушаю.

— Когда же оно состоится?

— Через три дня в полдень.

Через три дня в полдень? Я едва дышала, стараясь не упустить ни слова.

— От обвинения будет выступать сам главный дознаватель. Давненько такого не было, — продолжала одна из покупательниц. — Хотя бы ради того, чтобы увидеть, как герцог Дареаль ведет дела, уже стоит туда пойти. Все-таки магистры пожаловали ему столь высокий титул не за красивые глаза.

Вспомнила холодный колючий взгляд герцога — и стало не по себе. Точно уж не за него, дамы правы.

— А вот и я, — появился торговец с кипой одежды. — Здесь все, что вы просили, мадемуазель.

— Благодарю, — ответила ему, быстро выбрала накидку, заплатила требуемую сумму — и выбежала из лавки. Было тяжело дышать. Анри! Болезнь Филя отвлекла меня от мыслей о нем. Нет, я все равно думала о нем каждую минуту, но ничего не могла поделать. А сейчас надо действовать быстро. Три дня, так мало! Я бежала по улице, когда какая-то старуха перехватила меня за руку.

— Постой, милочка, — прошамкала она беззубым ртом. — Давай погадаю.

— Не надо, бабушка, я спешу, — постаралась вырваться, но старуха держала крепко.

— Не пожалей монетки, девочка, я ведь знаю, что говорю.

— Ну, хорошо. — Решила, что лишний медяк — не великая ценность, а старушке, может, и правда нужнее, чем мне. Мы отошли чуть в сторону, чтобы не мешать прохожим, и странная женщина забормотала заклинание, все сильнее сжимая мою ладонь. Вдруг она уставилась на меня глазами без зрачков. Я вздрогнула, а старуха заговорила:

— Справа у тебя — яркий свет, слева — извечная тьма. За спиной у тебя — серый пес, а впереди — пустота. У пустоты нет голоса, у пустоты нет границ. Но у нее есть царь, и у него есть имя. Когда свет покроется черными пятнами, когда тьма озарит жизнь солнцем, когда пес станет беречь твой сон, тогда пустота позовет тебя. Только тебе решать, идти ли к ней. Только тебе решать, станет ли свет — светом, и останется ли тьма — тьмою. Береги то, что тебе дано. Береги тех, чьи нити судьбы переплетены с твоей. Иначе пустота поглотит тебя.

Пальцы ведьмы разжались. В том, что она была ведьмой, я больше не сомневалась. Старуха сделала знак, отвращающий беду.

— Иди, — прошамкала она. — Мне не нужна твоя монета, девочка. Иди, однажды ты поймешь.

И заковыляла прочь, а я замерла, пытаюсь прийти в себя. Я ничего не понимала! При чем здесь свет и тьма? При чем пустота? Сразу возникла ассоциация с магистрами, но серый пес никак не вязался с ними. Четвертого магистра не существует. Предсказание звучало страшно. Мне хотелось бежать домой так быстро, чтобы заболели ноги, но я вынуждена была идти медленно, не привлекая внимания.

— Жители Альсенбурга, — послышался чей-то голос, — магистрат объявляет награду в сто золотых за поимку Филиппа Вейрана, особо опасного преступника, сообщника убийцы Анри Вейрана. Особые приметы...

И вот тогда я бросилась бежать! Филипп? Особо опасный преступник? Сообщник? Да ему всего шестнадцать! Да он использовать магию толком не умеет. Как? Как можно обвинять подростка в таком преступлении? Взлетела по ступенькам постоянного двора, помчалась по коридору — и только перед нашей дверью остановилась, стараясь отдышаться. Постучала — тишина. Постучала еще раз — снова ничего. Толкнула дверь, и она со скрипом отворилась. Пусто!

— Фил, — прошептала обессиленно. На этот раз его действительно не было. Оставила покупки и поспешила обратно в общий зал, где всех встречал улыбчивый хозяин.

— Добрый день, — поздоровалась с ним.

— А, Мартина! — обрадовался тот неизвестно чему. — Небось, за обедом?

— Нет, пока нет. Скажите, дядюшка Дон, вы не видели моего брата? Он ушел и не сказал, куда.

— Как же не видел? Видел, — качнул тот седоватой головой. — Ушел почти сразу после вас.

— Куда же он ушел?

— Не беспокойтесь, милая. Вернется, не маленький. Лучше поешьте пока, похлебка особенно удалась.

— Нет, я дождусь брата.

Искать? Где? Пойти домой к Вейранам? Но там Филя ждут. Он ведь не безумец, чтобы туда соваться. Или все-таки... Додумать я не успела. Дверь комнаты распахнулась, и на пороге возникла моя пропажа. Запыхавшаяся, слегка чумазая — и совершенно невредимая.

— Филипп! — кинулась к нему.

— Ты почему не запираешь дверь? — увернулся он и обошел меня. — Опасно ведь.

— Не опаснее, чем бродить неведомо где! Ты зачем ушел один? Ты чем вообще думал?

— Думал головой, — хмуро ответил он. — А ушел, потому что вдвоем мы привлечем больше внимания. Вот.

Опустил на стол кошель, полный монет.

— Это откуда? — спросила тихо.

— Из нашего дома, — подтвердил Филипп мои худшие опасения. — Охрану сняли — поняли, что я не вернусь, поэтому...

Послышался шум. Я тут же закрыла дверь на щеколду.

— Что там? — насторожился Фил.

— Готова поспорить, что за тобой следили, — ответила я. — Странно, что раньше не схватили. Хотя, может, надеялись, что ты приведешь к другим подозрительным личностям?

— О чем ты?

— Тебя ищут, Фил, и обвиняют в том, то вы с Анри — сообщники.

Я заметалась по комнате. Вариантов было не так много. Этаж первый, но если выйдем окно — шум услышат все. Надо действовать иначе. А Фил уже приткнулся к двери.

— Идут.

— Пожалуйте, господа, — говорил хозяин постоянного двора. — Вот тут у меня живет почтенная мадам Лакорис, ей уже за семьдесят. Вот тут — молодые супруги. Тут — девушка с братом. Здесь двое парней.

По наши души. Мы с Филиппом переглянулись. Может, уйдут? Филипп опустился на колени и принялся что-то чертить на полу.

— Ты что делаешь? — зашептала я.

— Обманку. Прости, я не заметил их заклинания, но могу их увести. Они будут думать, что я пошел дальше.

Фил пробормотал что-то, капнул на пол несколько капель крови. Шаги в коридоре замерли.

— Уходит! — крикнул кто-то, и раздался топот ног. Вот так-то! Что бы ни сделал Филипп, у него это получилось.

— А теперь собираемся быстро, — засуетился он, пряча свой кошель в мою сумку. Я подхватила купленные для него вещи. Было бы, что собирать. Замерла перед дверью в коридор, осторожно ее приоткрыла. Я мало использовала магию в повседневной жизни. Светлая магия — не то, чем пользуешься каждый день. Ей можно подлечить, ослепить — если иметь доста-

точно силы, поддержать чужие заклинания. А еще я вспомнила одно из заклинаний, изученных в коллеже — и благополучно забытых на полках памяти. Проверила им коридор — никого. Махнула рукой Филу и вышла первой. Он тут же вырвался вперед. Мужчина, что уж там.

— Осторожно, — шепнула в спину.

Фил обернулся и кивнул. Да, странная из нас парочка. Надо добраться до какого-нибудь сквера и заставить его переодеться, чтобы не привлекал внимание.

— Там кто-то есть, — почувствовала через заклинание и указала на угол.

— А, Мартина! — послышался знакомый голос, и к нам шагнул хозяин постоянного двора.
— Уже уезжаете?

— Да, пришли неважные вести, отец заболел, — солгала я, зная, что моему отцу уже никакие болезни не страшны. — Придется срочно ехать. Спасибо за все, дядюшка Дон.

— Так давай я верну деньги за оставшиеся дни!

— Нет, не стоит. Пусть останутся как компенсация.

— Тогда счастливого пути, дети.

Я пробормотала слова прощания и поспешила к двери. Но стоило переступить порог постоянного двора, как заметила две фигуры в черной форме. Нас ждали.

— Фил, — сказала тихо, — я отвлеку их, ты беги. Встретимся в сквере рядом с Кленовой улицей.

— Я не побегу.

— Филипп!

— Я не буду больше бегать, Полли. Идем.

И с наглым видом пошел прямо мимо тайной службы. Маги проводили нас взглядом — и снова уставились на дверь. Это еще что такое? Мы миновали две или три улицы прежде, чем я поинтересовалась:

— Филипп, почему они нас не заметили?

— Так маячок же говорит, что мы далеко, — ответил тот. — Зачем тревожить честных граждан? А в лицо они меня, видимо, не знают.

Я подумала, что после двух дней горячки я бы тоже не узнала в бледном, измотанном мальчишке, одетом в обноски, сына блистательного графа Вейрана. Что ж, на первый раз нам удалось обмануть тайную службу. Второго раза не будет. Как и собиралась, в ближайшем же сквере заставила Филиппа переодеться. Куда пойти? Снова на постоянный двор? По всему выходило, что так. Сниму комнату на пару дней. За это время мы не только поищем защитника для Анри, но и квартиру для нас.

Мы какое-то время побродили по улицам, пока не нашли новое пристанище. На этот раз вывеска гласила: «Черная стрела». Почему стрела? Почему черная? Я так устала от переживаний, что мысли в голове спутались в огромный клубок, поэтому, стоило расплатиться с хозяином за комнату, я рухнула в постель, оставив тихо ругающегося Филиппа примерять новый гардероб. Немного посплю — и рискну навестить друга отца. Если он не поможет, рассчитывать не на кого.

Глава 6

— Полли, а ты уверена, что друг твоего отца не выдаст нас властям? — поинтересовался Филипп, следуя за мной по пыльным улочкам столицы.

— Как я могу быть уверена, Фил? — поправила капюшон приобретенной накидки. — Кто друг, кто враг... Все перепуталось.

— Это точно.

Разговор иссяк. Фил все чаще думал о чем-то своем, я старалась не беречь его душу. Он все еще винил себя за незамеченный маячок. Но что мог маг, который даже не прошел

инициацию? Слишком мало. Оказалось, что Фил решил забрать драгоценности из тайника в их доме, пока этого не сделали другие. В кошельке, который он принес, были деньги — не слишком много, дом ограбили раньше, несколько ожерелий и колец, хранившихся в тайнике, и пара амулетов, точного действия которых Фил не знал, а я смогла разобрать только, что они относятся к защитному типу. Почему Филипп задумал забраться в дом днем? Да потому что ночью нас там точно бы ждали. А днем тайная служба, судя по всему, не стала маячить у здания. Вместо этого они растянули сеть слежения, на которую он и наступил. Сеть среагировала, а он даже не заметил — и ушел на постоянный двор с прицепленным заклинанием слежения.

Филипп и сам понимал, что наша гибель пролетела крайне близко. Хмурился, отводил взгляд. Но на вылазку снова пошел со мной, и даже слушать не пожелал отговорок. И мне, если честно, с ним было спокойнее. Потому что, стоило остаться одной — и ужас охватывал меня. А Филу я была нужна сильной и спокойной, и я старалась такой и быть.

Дом маркиза Авертаса находился в том же районе Альсенбурга, что и особняк графов Вейранов. Огромный, из светло-серого камня. Когда отец еще был жив, мы частенько тут бывали, я играла с детьми маркиза, а папа обсуждал с другом накопившиеся дела. Когда отца не стало, общение сошло на нет. Матушка не стремилась поддерживать связи мужа. Ей больше нравилось блистать в свете и принимать комплименты от восхищенных поклонников. Но когда мы все-таки виделись с маркизом, он всегда относился ко мне очень хорошо и говорил, что в случае необходимости я всегда могу к нему обратиться.

Я постучала молоточком в кованые ворота. Наверняка, сейчас где-то в доме сработал особый звоночек, возвещающий о приходе посетителей. Не прошло и пяти минут, как на дорожке показался слуга маркиза.

— Добрый день, — поклонился он нам, обозревая одежду и оценивая, стоит ли вообще разговаривать. — Что вам угодно?

— Нам необходимо поговорить с маркизом Авертасом, — ответила я.

— Вам назначено?

— Нет, но передайте, что у меня послание от его давнего друга. Думаю, он будет рад нашей встрече.

— Как вас представить?

— Полина. Просто Полина, — ответила я. Раз уж нас ищут, стоит на время забыть о своем титуле и роде. Слуга поспешил обратно в дом, а мы с Филиппом переглянулись. Захочет ли маркиз принять нас?

Вскоре слуга появился вновь.

— Прошу вас, — распахнул перед нами ворота. — Следуйте за мной.

Мы медленно прошли по дорожке между цветущих розовых деревьев и вошли в дом. Здесь пахло дорогим парфюмом и немного кожей от новенькой мебели. Миновав большой холл, поднялись по лестнице на второй этаж, и слуга попросил нас обождать в гостиной.

— Мне тут не нравится, — сказал Филипп, разглядывая большую, просторную комнату.

— Почему? — насторожилась я.

— Не знаю. Наверное, теперь все дома подобного типа будут навевать не самые хорошие мысли, — пожал он плечами.

Продолжить разговор мы не успели — в дверях появился маркиз Авертас. За прошедшее время он ничуть не изменился. Высокий, широкоплечий, с большим орлиным носом и маленькими прищуренными глазками, но широкой, располагающей к себе улыбкой.

— Полли! — всплеснул он руками. — Девочка моя! Я думал, ты уехала из столицы.

— Здравствуйте, месье Авертас, — шагнула я навстречу.

— Можешь называть меня, как и прежде, — дядя Раймон.

Я улыбнулась. Маркиз всегда напоминал мне о папе. Он крепко меня обнял, будто не веря, что видит перед собой.

— А кто же твой юный друг? — обратился взгляд на Фила.

— Это — Филипп Вейран, — почти шепотом ответила я.

Дядя Раймон тут же нахмурился, а Фил отвел взгляд. Конечно, он не стыдился своего имени. Скорее уж того, что теперь оно вне закона.

— Значит, юный Вейран, да? — хмыкнул маркиз. — Присаживайтесь, молодые люди. Поговорим.

Мы чинно расположились на диванчике, а маркиз сел напротив в большое кресло.

— Я слушаю тебя, Полина, — сказал он, а я так растерялась, что не знала, с чего начать.

— Дядя Раймон, — пыталась подобрать слова, — вы знаете, в каком положении я оказалась. И в каком положении оказался Филипп. Нам нужна ваша помощь. Мне больше не к кому пойти. Мать хотела увезти меня, но речь идет о моем женихе, и я не оставлю Анри.

— Ты вся в отца, Полина, — вздохнул Раймон. — Такая же упрямая. Я бы посоветовал тебе послушаться мадам Кристину и уехать из столицы. Но ты ведь не согласишься?

— Нет. — Я качнула головой.

— Какой же именно помощи ты от меня ждешь?

— Мне нужен защитник для Анри, — ответила я. — И возможно, вы знаете, где можно надежно укрыться на время.

— Защитник? — Маркиз пожевал черный ус. — Милая моя девочка, ни один защитник в Альсенбурге, если только он в трезвом уме и здравой памяти, не возьмется за дело твоего жениха. Речь идет не о рядовом преступлении, а об убийстве светлого магистра. Прежде всего, это ставит под удар всю Гарандию. Пока магистров двое, мы ослаблены перед врагами.

— Но Анри — не убийца!

— Откуда тебе знать?

Повисло молчание. В наступившей тишине голос Филиппа прозвучал особенно резко:

— Идем, Полли. Здесь тебе не помогут. Будем действовать сами.

— А вы бы помолчали, молодой человек, — рыкнул маркиз. — Не в вашем положении показывать гордость.

— В каком положении? — Филипп чуть приподнял брови. — Если вы о том, что меня хотят арестовать, так пусть сначала найдут.

— И этот весь в отца, — пробормотал Раймон. — И все-таки с защитником я вам не помогу. Но могу помочь с убежищем. Скажите, где вас искать. Я подыщу надежную квартиру.

Говорить не хотелось — я не могла настолько доверять маркизу Раймону. Он это заметил и улыбнулся.

— Полина, дитя мое, я видел, как ты росла, и глубоко уважал твоего отца. Поверь, мне ни к чему выдавать вас законникам. Пусть ищут сами, право слово. Тем более что ты уж точно не имеешь отношения к убийству магистра, как и твой юный друг. Но я не хочу, чтобы ты попала в какую-нибудь ловушку. Поэтому, если хочешь, я дам магическую клятву, что никому не раскрою твоего убежища.

— Не надо. — Почувствовала, как заалели щеки. — Я вам верю. Мы остановились на улице Восьми королев. Там постоянный двор, его найти несложно.

— Хорошо, в ближайшие дни жди новостей.

— И, дядя Раймон... не могли бы вы узнать, как продвигается следствие по делу Анри? Хоть что-то!

— Я попытаюсь, — пообещал маркиз. — Будем держаться вместе.

— Спасибо!

Мы попрощались и заторопились в обратный путь. Филипп хмурился и молчал. Он быстро шагнул рядом, заложив руки в карманы жилета, и оставалось только представить, что творится в его голове. Я тоже чувствовала себя неудобно. Хотелось верить дяде Раймону. Хотелось, но до конца не могла.

— У меня есть идея, — вдруг заговорил Фил. — А что, если нам поискать комнатуху в домах напротив постоянного двора? Можно будет заглядывать туда время от времени, не появится ли сообщение от маркиза.

— Думаешь, он нас выдаст?

Филипп кивнул, и я была с ним согласна. Мне все чаще казалось, что выхода нет. Что нас загнали в угол. Но в словах Филиппа был смысл. Вот только начинало темнеть, и эту ночь в любом случае придется провести на постоялом дворе. Поэтому, как только мы вернулись в еще необжитую комнатуху, Фил тут же опустился на колени перед дверью. Что он пытался сделать, я не знала — как и любая светлая, я была далека от темной магии, но Фил выглядел так сосредоточенно, что это казалось бы смешным, если бы не опасность, которая нависла над нашими головами.

— Что ты делаешь? — наконец не выдержала я.

— Растягиваю сеть. Если ее коснется посторонняя магия, будет маленький взрыв.

— Знаешь, давай продолжим после ужина. Я умираю с голоду, — призналась честно.

— Давай. — Фил нехотя согласился и потащился за мной в общий зал. Там играла музыка — какие-то уличные бродяги так хорошо пели под гитарный аккомпанемент, что я даже заслушалась. Подавальщица поставила перед нами тарелки с жарким и овощами, а так же кувшин с компотом. Фил покосился на еду — и взялся за ложку. Приборами здесь не баловали.

— И все-таки, где нам искать защитника? — задумчиво сказал он.

— Боюсь, что все будет так, как и сказал дядя Раймон. За дело никто не возьмется, — ответила я.

— Кхм-кхм, — вдруг послышалось за спиной. — Прошу прощения, господа, но, кажется, вы сказали — защитника?

Я обернулась. За спиной стоял парень лет двадцати двух с физиономией уличного пройдохи. Невысокий, с густыми каштановыми волосами и редкими забавными веснушками на носу.

— Да, — ответил Фил, смерив парня таким взглядом, будто хотел заглянуть под кожу.

— Тогда я — к вашим услугам. — Наш собеседник, не спрашивая, подвинул стул и сел за наш стол.

— Вы — защитник? — не особо поверила я.

— Он самый. Пьер. Пьер Лафир. Диплом показать? Новенький, только выдали.

И перед нами на стол лег самый настоящий диплом школы защитников. С печатью, подписью директора — и тройками по всем предметам. Мы с Филиппом переглянулись — и я тихонько захихикала, а Фил отвернулся.

— Боюсь, вы не сможете нам помочь, месье Лафир, — сказала я. — У нас очень сложное дело.

— Сложные дела — это мой конек! — Лафир заулыбался во весь рот и придвинул к себе тарелку с овощами. — Не смотрите, что диплом новенький, опыта у меня ого-го! У меня есть стопка рекомендаций. Доедайте — и пойдем в вашу комнату, покажу.

— Ну, хорошо, — неожиданно согласился Фил. Видимо, ему, как и мне, нетерпелось увидеть эти рекомендации.

Мы быстро расправились с ужином, в чем Лафир с удовольствием нам помог, и поднялись на второй этаж. Наверное, Лафир был первым человеком за последние дни, от кого не ощущалось опасности. Всю дорогу до комнаты он расписывал свои достоинства как защитника, а стоило закрыться двери, как перед нами на стол легла увесистая стопка писем.

— Рекомендация, — прочитал Фил, — от жителей деревни Большие Оглобли в количестве десяти человек выдана Пьеру Лафиру в благодарность за быстрое и качественное расследование пропажи козы Долорес и возвращение ее хозяйке.

— А эта, — я потянулась за вторым письмом, — выдана месье Лафиру от вдовы Иртенны Фави за изгнание призрака почившего мужа.

— Выдана месье Лафиру мадам Карлитой Фальсоне, — зачитал Филипп, едва сдерживая веселье, и уже за одну его слабую улыбку я была благодарна. — Подчеркивается, что месье Лафир проявил чудеса храбрости в погоне за вором, укравшим... невинность мадам Фальсоне?

И Филипп забавно покраснел, а я рассмеялась.

— Достаточно, — махнула рукой. — Простите, господин Лафир, но наше дело настолько серьезное, что вряд ли вы захотите за него браться. А если и захотите, толка не будет.

— Что вы говорите, мадемуазель! — Лафир солнечно улыбнулся. — Чем сложнее, тем лучше. Выкладывайте, обговорим условия.

Мы с Филом переглянулись. С другой стороны, это пусть какой-то, но шанс. Шанс на то, что у Анри будет защита на суде.

— Хорошо, — решила я. — Речь идет о деле графа Анри Вейрана.

— Ничего себе! — присвистнул Пьер. — А вы кем ему приходитесь?

— Я — его невеста.

О Филе решила промолчать. Слишком уж дорого ценится его голова, и бедный выпускник школы защитников может польститься на легкую прибыль.

— Невеста, значит. — Пьер мигом стал серьезным. — Я, как и все остальные, слышал об обвинении, предъявленном графу Вейрану. Но не знаю деталей.

— Нам они тоже не известны, — ответила я. — Только то, что моего жениха обвиняют в убийстве магистра света, а он этого не совершал.

— Вы уверены?

— Целиком и полностью.

Пьер удивленно присвистнул.

— Что ж, — взъерошил он и без того растрепанные волосы, — я готов взяться за ваше дело. Тем более, как я слышал, первое слушание будет уже через два дня.

— Да, — кивнула я.

— Сразу скажу, возьму недорого, потому что шансы невелики. Три золотых меня устроят. И еще мне нужно письменное подтверждение от кого-то из родственников, что я обладаю полномочиями вести это дело.

— Я напишу, — откликнулся Филипп. — Я его брат.

Вот кто его за язык тянул? Но Пьер Лафир только серьезно кивнул.

— Слушайте, — вдруг просияло его лицо, — а вам, случайно, жилье не нужно? У меня есть замечательная комната! Заходи и живи.

— Как далеко? — спросила я, хоть душу и грызли подозрения.

— Да напротив! Я сюда каждый день обедать или ужинать прихожу, потому что сам не силен в стряпне. Так как? Переберетесь? Два медяка в день, мне много не надо.

— Идет, — кивнула я.

Мне даже было все равно, что за комната у Лафира. Мы ведь все равно собирались уйти с постоянного двора. А если будем жить почти напротив, то сможем узнавать, нет ли вестей от дяди Раймона.

— Отлично! — протянул мне руку Пьер и крепко пожал ладонь. Затем протянул руку Филу. — Берите вещи, господа. Будем праздновать новоселье. А еще у меня есть вопросы — где-то с десятком. Или с сотню. Да не пугайтесь так, идем.

И увлек нас за собой. Может, и не стоило доверять случайному знакомому. Но так уж вышло, что говорить о доверии близким людям не приходилось, а Пьер Лафир, хоть и казался пройдохой, тем не менее располагал к себе. И я верила, что у него есть шанс нам помочь.

Глава 7

Позднее я часто спрашивала себя, почему решила довериться совершенно незнакомому человеку, учитывая, что близкие люди вдруг оказались такими чужими. И находила один ответ — не знаю. Я не знала, что заставило меня пойти за Пьером Лафиром. Не знала и того, почему вдруг решила поделиться с ним тайной. А еще более странным оказалось то, что и Филипп доверился ему. Пьер обладал особой магией личности — как иначе объяснить то, что мы перешли через дорогу и вошли в дом напротив, хотя полчаса назад таились от всех на свете и старались защитить магически комнату постоялого двора.

— Особых удобств у меня нет, — вешал Пьер по дороге. — Но уборная имеется, и ванная тоже. Горячая вода, правда, только с помощью бытовых заклинаний. Сами понимаете, это дело недешевое. Что еще? Ах да. Комнат всего две. Одна моя, одна ваша. Но во второй есть кровать и диванчик, поделитесь. А мне в гостиной будет удобнее, я давно там пообвыкся — стол, шкаф, все, что нужно для работы.

Я начала терять нить повествования. Филипп и вовсе зевал на ходу. Его странным образом успокаивала эта болтовня. Мы поднялись по старой скрипучей лестнице мимо покосившихся дверей, добрались до верхнего этажа, и Пьер прикоснулся к точно такой же двери, как и предыдущие. Видимо, замок был магическим. Уже хорошо. Я в теории знала, как создать подобное, но на практике пока не пробовала.

— Коснитесь дверной ручки, — потребовал Пьер, — я представлю вас духу дома.

Мы с Филиппом переглянулись. Ситуация казалась все более абсурдной, но просьбу мы выполнили. Пьер произнес заклинание — и на мгновение ручка вспыхнула золотом.

— Готово, — радостно сказал он. — Теперь вы сможете входить и выходить из дома в любое удобное время. Учтите, если решите привести гостей — не получится. Попытаются войти — останутся без рук.

Как мило! Я начинала смотреть на Пьера другими глазами. Все-таки надо быть очень сильным магом, чтобы создать для дома духа-хранителя и наделить его такими полномочиями.

Внутри оказалось светло и чисто. Светильники зажглись, стоило переступить порог. Две маленькие комнатухи, узкий коридорчик, кухонька, ванная и уборная. Не та обстановка, к которой мы привыкли, но лучше, чем на постоялом дворе.

— Вот спальня. — Пьер толкнул дальнюю дверь.

Как диван и кровать втиснулись в такую маленькую комнатку — это вопрос. Но втиснулись, а с ними — шкафчик и пара стульев. Ничего, главное, что здесь более безопасно, чем где-либо еще.

— Можете оставить вещи — и жду вас в гостиной, у меня есть вопросы по делу, — сообщил Пьер.

Больше всего на свете хотелось спать, но времени оставалось все меньше и меньше, поэтому мы оставили в шкафу скудное имущество и спустя минут десять уже сидели на старом скрипучем диване. Сам хозяин квартиры занял место за столом, махнул рукой — и перо взмыло над свитком.

— Рассказывайте все, что знаете, — потребовал он.

Увы, рассказ вышел скудным. Да, Анри был на службе. Да, все считают его убийцей, но это не может быть правдой. Почему напали на его родственников? Откуда нам знать? Мог ли Анри вмешаться в чужие дела? Мог, конечно. Вмешаться, но не убить. Пьер спрашивал и спрашивал. Филипп клевал носом. Закончилось все тем, что он уснул, откинув голову на спинку дивана. А Пьер вдруг взглянул на меня так пристально, будто хотел увидеть, что у меня там, внутри.

— Скажите-ка, Полина, — уж простите за неофициальный тон, на что вы готовы, чтобы вернуть жениха? — спросил он.

— На все, — ответила я.

— И забраться со мной в башню света?

— Да, — ответила тихо. — Хоть в башню света, хоть в городскую тюрьму.

— Увы, тюрьма нам не по зубам, — усмехнулся Пьер. — Но мне надо взглянуть на место, где произошло убийство. Я, конечно, понимаю, что там уже все прибрано, однако есть шанс, что наши противники что-то проглядели. Есть ли у вашего жениха личные враги, Полина?

— Я не знаю, — склонила голову. Что вообще мне было известно об Анри, кроме того, что люблю его? Что он — сын графа и светлый маг? Слишком скудно, слишком неправильно. Но любовь слепа, она часто ставит вопросы — и редко дает на них ответы. Поэтому я и не спрашивала, а любила, и все.

— Придется выяснить. Как и сказал, мне понадобится ваша помощь. А вот нашему юному другу пока лучше держаться в стороне. Не хватало еще, чтобы его обвинили в соучастии. Точнее, его и так обвинили, но что нельзя выбить из взрослого мужчины, в том можно заставить признаться мальчишку. Даже если он ничего не совершал.

А ведь Пьер был прав. Поймай тайная служба Филиппа, что с ним будет? Мне стало не по себе. Чувство страха, отступившее ненадолго, усилилось.

— План действий таков, — начал Пьер, крайне мало напоминая того странного парня, который подсел к нам на постоялом дворе. — Утром я иду добиваться встречи с Анри Вейраном. Уверен, с первого раза не получится, но я умею быть настырным. Затем постараюсь хотя бы взглянуть на материалы дела. Получится — честь и хвала службе порядка. Не выйдет — значит, я все равно взгляну на них, но уже незаконным путем. А вот ночью мне понадобится ваша помощь, мадемуазель. Потому что проникнуть одному в башню света, пусть и лишившуюся своего хозяина, — самоубийство.

— Я сделаю все, что нужно, — сказала тихо.

— Не сомневаюсь. А сейчас будите Филиппа — здесь он не выспится, и сами ложитесь спать. А я пока подумаю, что еще можно сделать за эти два дня.

Я осторожно притронулась к плечу Фила.

— А? Что? — Он осоловело заморгал.

— Ты уснул, — ответила я. — Давай переберемся в спальню.

— Да, хорошо. — Филипп зевнул во весь рот, забыв о приличиях, и поплелся в спальню. Он рухнул на диванчик и, кажется, уснул почти сразу. И почему-то мне казалось, что наш новый знакомый приложил к этому руку. Сама я переоделась и легла. Спать хотелось безумно. Я сопротивлялась несколько минут — и тоже отбыла в страну снов.

Вокруг плыл белесый туман. Я понимала, что сплю, и ничего не могла поделать. Руки и ноги не слушались, голова гудела, словно чугунный колокол. Впереди стоял кто-то — в сером балахоне, который сливался по цвету с туманом. Я не видела лица, только слышала голос:

— Чем ты готова пожертвовать ради любимого, Полина Лерьер?

— Всем, — ответила уверенно.

— А стоит ли он того?

«Стоит ли?» — спрашивала пустота, и вопрос эхом отзеркаливало от стен. Я проснулась в холодном поту. Лоб взмок настолько, что, казалось, будто только вышла из ванной. Анри... Как ты? Где ты? Все, чего я хотела — увидеть, прикоснуться хотя бы на миг, сказать, что люблю и не верю.

Снова заснуть не получилось. Впрочем, за окнами уже светало. Я слышала, как бродит по коридору хозяин квартиры, что-то насвистывая себе под нос. На диване мирно спал Фил. А я лежала и таранилась в утренний полумрак, чувствуя себя такой беспомощной, что хотелось плакать.

Нет, нельзя. Я должна быть сильной — ради Анри. Ради того, чтобы вызволить его, доказать, что он — не преступник.

Хлопнула входная дверь. Пьер отправился на штурм, а мне оставалось только слоняться по квартирке. Готовить я ничего не умела. Подумала — и решила, что завтрак стоит приобрести на постоялом дворе. Быстро оделась и сбежала вниз по лестнице. Заодно спрошу, не было ли для меня записки.

Вот только дойти до двери постоялого двора я не успела. Уже переходила улицу, когда увидела подозрительного типа. Он стоял на углу и вглядывался в лица прохожих. Весь в черном — точно один из тайной службы. И вместо того, чтобы пойти туда, куда собиралась, я развернулась и поспешила в противоположном направлении. За мной никто не погнался. То ли меня не заметили, то ли ждали кого-то другого, но проверять я не собиралась. Прошлась вдоль улиц, купила копченых колбасок, хлеба, молока, а душа уходила в пятки. И все-таки, за мной или нет? А в квартире ведь остался Фил. Если он пойдет меня искать? Что тогда?

Заторопилась обратно. Прежде чем свернуть на ставшую знакомой улочку, осторожно выглянула из-за угла. Никого. Вдохнула воздух глубже, набираясь храбрости, и пошла к двери. Но не дошла до нее каких-то пять шагов, когда на плечо опустилась чужая рука. Я ойкнула и обернулась. Да, тот самый мужчина в черном.

— Полли, я полагаю? — спросил он.

— М-м-м, — промычала что-то невнятное.

— Вам записка от дядюшки Раймона. Просил передать лично в руки.

О свет! Это всего лишь слуга маркиза Авертаса. Вот я глупая.

— Спасибо, — пробормотала, забирая письмецо в белом конверте. — Передайте дядюшке привет.

— Обязательно, — усмехнулся мужчина и пошел прочь. Я дождалась, пока он скроется за углом, вошла в дом и еще на лестнице распечатала письмо:

«Дорогая Полли, я нашел человека, который сможет помочь в твоей маленькой проблемке. Точнее, проблеме твоего жениха. Запоминай: улица Семи прях, дом шесть. Гастон Вайхес. Скажешь, что ты от меня. Записку тут же сожги. Удачи!»

Только здравый смысл удержал меня от того, чтобы немедленно бежать на улицу Семи прях. Вместо этого я поднялась по скрипящим ступенькам, коснулась дверной ручки и вошла в квартиру. В дверях спальни тут же появился Филипп. Судя по сосредоточенному виду и одежде, он действительно собирался меня искать.

— Полли! — В его глазах мелькнуло облегчение. — Ты вернулась! Почему меня не разбудила? Я уже не знал, что и думать.

— Я проголодалась, — заставила себя улыбнуться, чтобы казаться не напуганной и взволнованной. — Решила купить что-нибудь на завтрак. Не будем же мы обедать Пьера. А еще мне передали вот это.

Протянула Филиппу записку. Он быстро пробежал взглядом скупые строчки, прошептал заклинание — и бумага вспыхнула на мгновение черным пламенем, чтобы осыпаться под ноги пеплом.

— Что скажешь? — тихо спросила я.

— Ты никуда не пойдешь, — отрезал Фил. — Я знаю, кто такой этот Гастон Вайхес. Он — один из верховных судей Гарандии. И у него были крайне напряженные отношения с моим отцом. Поверь, помощи от него ждать не стоит.

— Но, Фил, если это наш шанс?

— Шанс? Смеешься? А если это ловушка? Где гарантия, что он тут же не выдаст тебя законникам или тайной службе? Нет, Полли. Нет.

Я понимала, что он прав, и на самом деле у меня нет причин доверять ни маркизу Раймону, ни уж тем более одному из верховных судей. Но так хотелось найти хоть какую-то ниточку! Обрести почву под ногами, поверить, что все еще можно изменить.

— Давай завтракать, — решила не тревожить Филиппа. Я подумаю над предложением маркиза Авертаса. Однако сначала попробую вместе с Пьером пробраться в башню света. Кто знает? Может, посторонняя помощь мне и не понадобится.

Фил набросился на хлеб и молоко. Все-таки за последние дни он почти ничего не ел, а шестнадцатилетний мальчишка должен хорошо питаться. У меня же аппетит снова отсутствовал. Поэтому я ела только для того, чтобы подать пример Филу. Впрочем, едва мы успели позавтракать, как в коридоре раздались шаги, и на кухню влетел взъерошенный Пьер. Его одежда сбилась, волосы больше напоминали воронье гнездо, но глаза лукаво блестели.

— А, вы оба тут! — обрадовано проговорил он и кинул в рот кусочек колбаски. — Не придется повторять дважды.

— Ну что там? — Я изнывала от нетерпения.

— А что там? — хмыкнул Пьер. — Конечно, к вашему Анри меня не пустили.

Сердце ухнуло глухо и безнадежно.

— Зато я все-таки выбил разрешение защищать его в суде.

Глупая надежда снова подняла голову.

— А документы? Ты видел документы? — спрашивала я.

— Да. — Пьер плюхнулся на стул, и тот жалобно заскрипел. — Это было непросто, скрывать не стану, но документы я видел. Протоколы допросов, осмотра места происшествия. И пока что я не понимаю, почему этого парня обвинили в убийстве. Вину свою он, естественно, не признает. Судя по протоколам осмотра места происшествия, в комнате сохранились следы его магии, но Анри утверждает, что пытался спасти магистра и применял заклинания исцеления. Следов боевых заклинаний либо проклятий не обнаружено. А, и вот еще! В кабинете на тот момент находились двое: Анри и сам магистр. Это-то и заставляет следствие говорить о его виновности. Но не доказано, что там не могло быть кого-то третьего. Вместо двух человек на посту почему-то оказался один. Почему? Где свидетельства напарника Анри? Куда он вообще подевался? Вопросов множество на самом деле, и завтра я снова попытаюсь прорваться в тюрьму. Они еще попомнят Пьера Лафира!

И он грозно поднял над головой надкусанную копченую колбаску.

Глава 8

Время до вечера тянулось мучительно долго. Пьер то появлялся, то исчезал снова, а мы с Филом бродили из угла в угол. На душе было беспокойно. Да и разве могло быть иначе? Я думала об Анри, вспоминала наше знакомство. Я ведь с первой встречи поняла, что это — мой человек. Пусть еще не возлюбленный, но мой. Оказывается, так иногда бывает. А сейчас над его головой нависла угроза, которую я, как ни старалась, никак не могла отвести. Снова и снова возвращалась к этой мысли. Два дня. Сегодня и завтра. Послезавтра будет уже поздно что-то менять. Сегодня — визит в башню. Завтра... Завтра мне нужно посетить судью на улице Семи прях. И я не удивлюсь, если именно его назначат судить Анри.

Фил молчал. Я могла только догадываться, что за мысли бродят в его голове, он только что потерял обоих родителей и может лишиться брата. Но он оказался сильнее, чем я думала. Филипп ничем не выдавал того, что творилось в душе. Он то листал книги и старые газеты, найденные на полках, то подолгу замирал у окна, напряженно думая о чем-то. И я старалась не мешать. У каждого свои методы справляться с горем. Видимо, это был его способ.

А вот вечером я не знала, что делать. Да, мы с Пьером собирались в башню. Но ведь стоит заикнуться об этом, как Фил потащится за нами, а нам надо было как-то оставить его

дома. Проблему решил Пьер. Ему стоило щелкнуть пальцами — и Филипп отчаянно зевнул, пожелал нам спокойной ночи и ушел в комнату.

— А ты сильный маг, — заметила я.

— Просто полезное заклинание, — пожал плечами Лафир. — Правда, не всегда действует. Собирайтесь, мадемуазель. Нас ждет далекое путешествие. Советую отдать предпочтение темным тонам и удобным юбкам.

Мой гардероб был скуден, но нужное платье в нем все-таки нашлось. Темно-коричневого цвета — то самое, которое служило формой в коллеже на первом курсе в сочетании с белым кружевным воротничком и манжетами. Воротничок теперь в прошлом, а платье осталось. Оно доходило до середины лодыжки, открывая туфли, и при этом не считалось неприличным. Волосы я собрала в пучок, лицо прикрыла вуалеткой. Вот и все, что сейчас могла себе позволить.

— Отлично выглядишь, Полли. — Пьер оценил мой наряд. — Что ж, нам пора.

Сам он тоже выбрал темный тон костюма. Сейчас Пьер походил на служащего средней руки, не особо богатого, чтобы сорить деньгами, но и не слишком бедного, чтобы экономить на одежде. Он предложил мне руку, и мы двинулись вдоль улиц столицы. Шли пешком, чтобы не привлекать внимание. И, видимо, чтобы никто не смог затем подтвердить, что мы подъезжали к башне света. По дороге говорили мало.

— Наш план таков, — шептал Пьер на ушко с таким видом, как будто говорит комплименты. — Я купил амулет невидимости. Увы, малозарядный. Надо заставить охрану открыть ворота и проникнуть внутрь.

— Как заставить? — спросила я.

— Подумаем на месте. Знаешь, дорогая Полли, иногда стоит положиться на удачу. А удача любит смелых. Не находишь?

Я не знала, что ему сказать. Наверное, никогда об этом не задумывалась. До недавнего времени моя жизнь была спокойной и размеренной. Мне не приходилось надеяться на удачу — я и так имела все, о чем могла мечтать. Кто же знал, что все может рухнуть в один момент?

— Не думай слишком много. — Пьер сразу заметил, что я его не слушаю. — Поверь, непрощенные мысли — как яд. Разъедают сердце и душу. А еще очень быстро пускают корни. Захочешь вырвать из сердца — и не сможешь, потом выкорчевывать придется только с частичками души.

Я качнула головой. Больше всего меня заботило, получится ли провернуть нашу безумную затею. Еще несколько поворотов — и мы очутились у светлой башни. Я иногда бывала здесь раньше и видела башню снаружи, но никогда — изнутри. Впрочем, башня — это крайне условное название. Лучше сказать мини-городок, который вырос вокруг высокого здания со шпилем, флаг на котором сейчас был украшен черными лентами в знак траура. Вокруг башни селились те, кто в ней работал. Здесь же располагались и казармы. Но войти внутрь могли немногие.

— Слушай меня, — остановился Пьер и мигом стал серьезным. — Сейчас ты должна будешь отвлечь охрану.

— Я?

— Ты. Мне важно попасть внутрь. Вот медальон.

Мне на шею опустил тонкая цепочка.

— Сумеешь одурачить охранников — догонишь, — усмехнулся Пьер и толкнул меня в спину. Я пошатнулась и едва удержалась на ногах, вскрикнув от неожиданности. Увы, этого хватило. Один из двух стражников, замерших у ворот башни, кинулся ко мне, в то время как второй оставался на посту.

— Чем могу помочь, мадемуазель? — угрюмо спросил он.

— Там! — Я развернулась и указала рукой за спину. — Там был мужчина, и мне показалось... Мне показалось, что он хочет убить вас.

— Убить меня? — поразился тот.

— Да. У него было оружие, и он шел сюда, но, видимо, я его спугнула.

Маг сдержанно кивнул, приказал мне оставаться на месте и помчался в направлении, противоположном тому, в каком исчез Пьер. Он скрылся за углом, а я кинулась ко второму стражнику.

— Помогите! — закричала на ходу. — На вашего напарника напали!

Тот ожидаемо помчался на помощь, а я активировала медальон и шмыгнула за ворота. Мне следовало бы подумать, что защита на башне не только физическая — что такое двое магов? — но и магическая. Однако задумалась я об этом тогда, когда чуждая магия скользнула по телу. Ожидала звона колоколов, рева защитных заклинаний — одним словом, чего-то, что выдаст мое присутствие, и уже собиралась бежать прочь, но... ничего не случилось. Зато я почувствовала, как на запястье сжимаются невидимые пальцы. Это мог быть только один человек.

— Быстрее, нам еще оттуда выбираться, — пробормотал Пьер, увлекая меня куда-то за башню. Откуда ему известно, куда идти? Я начинала сомневаться, что мой новый знакомый так прост, как написано в его рекомендациях, потому что он действовал четко и уверенно. Вместо парадного входа — небольшая дверца на кухню. Вместо главных залов — хозяйственное крыло.

— Магистра убили в кабинете на вершине башни, — продолжал бубнить Пьер, пока мы поднимались по ступеням винтовой лестницы. — Пошевеливайся, Полли! Иначе мы присоединимся к твоему жениху.

Я начинала задыхаться от бега, но еще несколько витков — и мы очутились перед наглухо закрытой дверью. Впрочем, Пьера это не остановило. Он опустил ладонь на замок, прошептал что-то — и замок щелкнул, открываясь. Пьер вошел в комнату первым. Я поспешила за ним, запоздало понимая, что наша невидимость уже не действует. Дверь закрылась, отрезая нас от внешнего мира.

— Здесь сильная защита, медальоны бесполезны, — на ходу говорил Пьер, а я оглядывалась по сторонам. О том, что здесь было совершено преступление, говорили только зеркала, по светлomu обычаю завешенные тканью. Делалось это для того, чтобы сыщики и тайная служба могли считать с зеркал то, что произошло в комнате. Именно к одному из них и направился Пьер, пока я изучала книжный шкаф с книгами, выставленными в алфавитном порядке, большой стол с разбросанными по нему листами, чернильницу с засохшими чернилами...

— Полли, сюда, — позвал Пьер. — Мне нужно, чтобы ты поделилась со мной магией.

— Да, конечно, — поспешила к нему и замерла рядом. Правда, я не знала, зачем Пьеру светлый магический источник. Он же сам явно не темный. Или я ошиблась? Но Пьер уже замер, закрыл глаза и перебирал пальцами, будто паук, который ткёт паутину. Зеркало перед ним занавешивала ткань, но вдруг она соскользнула на пол, а стекло засветилось мерным белым сиянием.

Я ощутила, как из меня по капле утекают силы, а Пьер читал заклинания — одно за другим. Отражение в зеркале пошло рябью, и на миг я увидела магистра Таймуса — таким, каким его помнила. Высоким, седовласым, с хитрым прищуром глаз. Вдруг Таймус в отражении схватился за горло и сполз на пол. Он забился в конвульсиях — и замер. Рядом никого не было.

— Странно, — прошептал Пьер. — Как могло совершиться убийство без убийцы? Надо быть воистину сильным магом, чтобы возвести щит такого уровня, чтобы зеркальный лабиринт не уловил сильных вспышек магии.

— Но Анри тут нет, — указала на очевидное.

— Мы не можем этого знать точно. В комнате определенно есть кто-то. Но кто? Где? Взгляни, Таймус будто пытался разжать чьи-то пальцы.

— А может, если мы посмотрим дальше, увидим, как вбежал Анри?

— Это не докажет того, что он не мог выйти из комнаты мгновением ранее.

Пьер отступил, зеркало погасло, и он снова накрыл его тканью. Затем прошелся по комнате, словно прислушиваясь к своим ощущениям.

— Нет, ни следа, — буркнул себе под нос. — Чисто вымели дворняги проклятые.

И принюхался сам, будто пес. Я оробела, стало вдруг не по себе. Пьер, казалось, это почувствовал — обернулся, улыбнулся.

— Все в порядке, Полли, — сказал мягко. — Я просто работаю.

Я отступила, чтобы не мешать — но на самом деле, чтобы оказаться от него как можно дальше. Сейчас я почти боялась Пьера. Его лицо изменилось — черты лица стали резче, жестче, и сам он начал казаться старше. Я закусила губу. С кем мы связались? Впрочем, кем бы ни был Пьер, что бы мне ни почудилось — я готова была на что угодно, чтобы спасти Анри.

— Уходим, — вдруг сказал Пьер. — Здесь больше ничего.

Мы выскользнули из комнаты. Вошли-то мы под пологом невидимости, а как выйдем? Но оказалось, что стоило нам спуститься по лестнице — и медальоны снова заработали. Мы медленно и степенно дошли до ворот, стараясь не столкнуться ни с кем по пути. Стражники уже вернулись на пост, и ворота снова оказались недоступными. Тогда Пьер поднял с земли камень поувесистее, прицелился, размахнулся — и кинул через забор. Камень поднял такой шум, будто рухнула как минимум глыба. Стражники снова бросились туда, а мы миновали ворота и поспешили скрыться в противоположном направлении.

— Думаешь, нас не заметили? — спросила я, снимая с шеи медальон, пока рядом нет посторонних.

— Заметили, конечно, — ответил Пьер, и внутри все похолодело. — Но не найдут. Я позаботился, создал с тем камнем ложный след. Плохо то, что мы узнали не так много, как я рассчитывал. В кабинете пусто. И все выводы можно свести к одному: действовал сильный маг. Вряд ли темный, иначе бы защитный купол раньше отреагировал на его магию. И вряд ли чужой, потому что мы — исключение из правил. Охрану ослабили из-за смерти Таймуса, слишком много посторонних людей приходит в башню.

— Скверно, — прошептала я.

— Да, нехорошо. Но сейчас надо все обдумать и решить, как строить защиту. А еще мне хотелось бы навестить коллег, поэтому только провожу тебя до дома.

— Я сама дойду.

— Нет!

Разве с ним можно было спорить? Пьер подхватил меня под локоток и почти потащил к дому. Я едва успевала перебирать ногами и пару раз чуть не упала, но он вовремя удерживал меня на грани падения. О том, что произошло в светлой башне, я старалась не думать, но вопросов было все больше и больше. Как Пьер сумел обмануть защиту? Как проверил, что видели зеркала, если для этого нужен огромный магический потенциал, столь редкий в Гарадии, и особое разрешение? А главное, почему нас даже не пытались остановить? И если он мог справиться сам, зачем ему понадобилась я? От такого количества вопросов голова болела немилосердно. Я чувствовала себя разбитой, хотелось поскорее прийти домой и лечь, иначе, казалось, не устою на ногах. Пьер оставил меня у самой двери.

— До утра не покидай квартиру, хорошо? — попросил почти ласково и исчез, будто и не было. Я постояла минуту — и вошла в дом. Поднялась по ступенькам, открыла дверь...

— Где ты была? — раздалось из темноты.

Фил? Он же должен был спать до утра.

— Я? М-м-м, — замялась, не зная, что сказать.

— Ты и Пьер.

И в его глазах мелькнула почти что обида. Не за себя, за брата. Видимо, в силу возраста решил, что Пьер специально усыпил его, чтобы утащить меня на свидание.

— Мы ходили в башню света, — решила признаться прежде, чем Фил додумает все остальное.

— Что?

Такого ответа Филипп не ожидал. Он удивленно заморгал, как большой совенок. А я улыбнулась. Забавный он, когда не хмурится.

— Да, — пришлось рассказывать все от начала до конца, — Пьер считал, что там мы найдем следы настоящего убийцы. Вот только, если верить зеркалам, в комнате магистр был один. Пьер говорил, убийца мог поднять щиты, и тогда зеркало его не уловило.

— Подожди. Если Пьер смотрел в зеркало, не найдут ли вас по нему?

— Я думаю, что нет.

Филипп посмотрел мне в глаза — и все понял. Он задумчиво кивнул.

— Странная у Пьера магия, да? — спросил тихо.

— Очень странная, — согласилась я. — Ты даже не представляешь себе, насколько. Иначе мы вряд ли вышли бы из светлой башни живыми.

— А зачем он водил туда тебя?

— Этого я так и не поняла.

Фил снова задумался о чем-то своем. Он кусал губы, пытаясь поймать какую-то мысль, но мысль не давалась. А я спросила:

— Ты давно проснулся?

— Где-то за полчаса до твоего возвращения. Сам виноват, проглядел заклинание, а оно было достаточно простым. И не светлым, поэтому и не заметил.

— А каким? Темным?

— Нейтральным, скорее. Они хорошо маскируются, но это меня не оправдывает.

И Филипп снова обиженно насупился. Видимо, считал, что мы должны были взять его с собой.

— Прости, — сказала я. — Ты бы не отпустил нас вдвоем.

— Не отпустил бы, — согласился тот. — Но в следующий раз вы меня не проведете.

— Следующего раза не будет.

О том, что я собиралась совершить еще одну крайне опасную вылазку, я решила не говорить. Хотя, думаю, Фил и так догадывался, что не удержусь. Но пока что мы оба молчали, будто это было нашей общей тайной. И о судье только думали, а не говорили.

— Давай спать, — почти взмолилась я.

— Я выспался.

— А я лягу.

Быстро переоделась в гостиной, пока хозяин комнаты временно отсутствовал, и едва удержалась от соблазна заглянуть в его стол и бумаги. Нет, нельзя! Спать, спать, спать!

Глава 9

В котором часу вернулся Пьер, я не знала. Только утром мы встретились на кухоньке — я искала остатки вчерашней еды, а Пьер, кажется, лишал ее нас.

— Доброе утро, — сказала растерянно.

— Доброе, — защитник лучился благодушием. — Прошу простить, я позаимствовал ваши припасы. Сегодня же куплю что-то из продуктов. Правда, повар из меня тот еще.

— А я вообще готовить не умею.

И к чему мне было это умение? Вот только оказалось, что в жизни бывает всякое. И видимо, это «всякое» сейчас наступило для меня.

— Это дело нехитрое. — Пьер пожал плечами. — Вари себе и вари. Кстати, я достал для тебя пропуск на завтрашнее заседание суда.

И помахал передо мной тонким кусочком серебристого картона с печатью магистрата. Темного.

— Как тебе это удалось? — Едва удержалась, чтобы не выхватить пропуск из его пальцев.

— Не скажу, что сложно — не люблю лгать. Но иногда связи решают все. Со мной училось много талантливых личностей. И уж они-то не коз по селам ищут.

Я улыбнулась. В историю с козой верилось все меньше, но выводить лжеца на чистую воду пока что не собиралась. Пусть! В том, что Пьер преследует какие-то свои цели, я уже не сомневалась. Захочет — расскажет. Главное, чтобы спас Анри.

— Я уйду ненадолго, — сказала ему. — Хочу поговорить со знакомым отца, пока есть время до суда. Филу не говори, пусть спит.

Филипп и правда еще дремал. Последние дни вымотали его. А может, это вчерашнее заклинание снова набрало силу? Как бы там ни было, я не стала его будить. Вместо этого оделась и уже шла к двери, когда в спину долетел вопрос:

— Скажи хоть, где тебя искать, если пропадешь?

— Филипп знает адрес, — ответила я. — До встречи.

И поспешила прочь, пока Пьер не решил меня проводить. Гастон Вайхес, один из верховных судей Гарандии... Я не ждала от этого человека сочувствия, но раз дядя Раймон советовал с ним поговорить, значит, надо решиться и сделать это.

День выдался теплый и солнечный. Я спешила вдоль узеньких улочек столицы в надежде, что месье Вайхес окажется дома. Сегодня был выходной, но я понимала, что у судьи могут быть свои дела. Улица Семи прях находилась достаточно далеко от дома Пьера, поэтому, когда я туда добралась, солнце было уже высоко, а по лбу катились бисеринки пота. Все-таки в накидке было жарко.

Серый каменный дом за решетчатым забором мог принадлежать кому угодно: как горожанину средней руки, так и зажиточному торговцу. Но меньше всего на свете можно было представить, что здесь живет судья. Я мысленно вознесла мольбу светлым богам — и взялась за молоточек. Какое-то время в доме царила тишина. Затем послышались тяжелые шаги — твердые, решительные, а когда я увидела мужчину, который открыл дверь, сомнения иссякли. Передо мной был сам верховный судья.

Ему можно было дать как сорок, так и все пятьдесят. На голове наметились глубокие залысины. В темных волосах мелькала седина. У плотно сжатых губ также наметились жесткие морщинки. Он глянул на меня суровым взглядом, и захотелось стать маленькой и незаметной.

— Чему обязан? — гаркнул в лицо.

— Месье Вайхес? — растерянно спросила я.

— Нет, его дедушка.

— Простите? — изумленно захлопала ресницами.

— Он самый, мадемуазель. Чем могу служить?

— Я от маркиза Раймона Авертаса, — пробормотала, понимая, что в горле откуда-то взялся ком.

— А! — Взгляд судьи стал еще строже. — Входите.

И пропустил меня в дом. Внутри было душно — неужели он не пользуется охлаждающими заклинаниями? Царил полумрак — маленькие окошки за тяжелыми шторами плохо пропускали свет. Я оглядывалась по сторонам. Не хотелось бы жить в таком доме.

— Сюда. — Вайхес указал на дверь в гостиную. — Проходите, присаживайтесь, мадемуазель...

— Полина.

Судья кивнул, будто и не сомневался, кто перед ним. Сказал ли ему маркиз мое настоящее имя? Откуда мне знать... Но даже если не говорил, судья все понял, готова поклясться в этом. Я присела на темно-серый диван с небрежно наброшенной накидкой. Вайхес взял стул, поставил его напротив — и я сразу почувствовала себя на допросе.

— Итак, мадемуазель? Что привело вас в мою обитель?

— Я... — замялась немного. — Я думала, маркиз Авертас...

— Маркиз изложил мне суть проблемы, но хотелось бы услышать от вас.

— Я уверена в невиновности Анри Вейрана, — наконец отыскала слова. — Но никак не могу ее доказать. Помогите мне.

— Помогите... — Судья поднялся со стула и начал прохаживаться передо мной. — Вы не можете не понимать, мадемуазель Полина, что дело серьезное.

— Я понимаю, — опустила взгляд.

— Сомневаюсь. Опасно и недальновидно в него вмешиваться, но...

— Но? — Я в надежде уставилась на Вайхеса.

— Я мог бы помочь вам. Мое слово является решающим при вынесении приговора, знаете ли, и судить вашего... гм... друга буду именно я.

— Помогите! — Не помня себя, кинулась к нему. — Помогите, умоляю вас! Я заплачу, сколько скажете, любые деньги.

— Милочка, кто вам сказал, что меня интересуют деньги?

И Вайхес прошелся по мне таким взглядом, что кожа покрылась мурашками. Я сделала шаг назад.

— Что вы имеете в виду? — спросила тихо.

— Только то, что денег у меня достаточно. Но, учитывая вашу молодость и красоту...

Вайхес шагнул ко мне, сжал рукой подбородок, взгляделся в лицо. Я едва сдерживалась, чтобы не вырваться. Он испытывает меня? Или говорит серьезно?

— Скажу прямо — в качестве платы мне нужны вы.

— Я? Вы шутите?

— Мадемуазель, разве верховный судья может шутить?

И ладонь Вайхеса прошла по лифу платья, сжала грудь. Я размахнулась и ударила. Звон пощечины наполнил комнату — и оборвался на высокой ноте.

— Ах ты, дрянь! — Вайхес кинулся ко мне, но я была быстрее и бросилась к двери с такой скоростью, что едва не упала, запутавшись в подоле платья. — Грязная девка! Сама придешь, если не хочешь, чтобы твоего дружка казнили. Сама!

Но я не слушала его. Бежала, бежала, бежала. Казалось, что за мной кто-то гонится. Я понимала, что это не так. Дыхание сбивалось. Глупая! Какая же я глупая! Теперь Анри будет только хуже. Вайхес ни за что не вынесет справедливый приговор, пока...

Вот только о его условии нельзя и думать. Я прекрасно это понимала. Нет никаких гарантий, что он сдержит данное слово. А Анри? Разве потом я смогла бы посмотреть в глаза жениху? Нет, никогда! Я свернула за угол — и едва не сбила с ног человека в сером балахоне.

— Простите, — пролепетала, с трудом удерживаясь на ногах.

— Смотрите, куда бежите, мадемуазель, — прошелестел хриплый, словно неживой голос. — Иначе придется плакать над разбитыми коленками.

И фигура двинулась дальше. Я не видела лица говорившего, его скрывал капюшон, вот только мороз пробежал по коже, и посреди летнего дня стало холодно. Коленки? Если бы все закончилось коленками! Слезы покатались по щекам. Я зло вытирала их ладонями. Хватит! Хватит рыдать, хватит быть слабой. Так ничего не удастся изменить. Надоело чувствовать себя пустым местом — и быть им тоже надоело. Уже почти у порога дома еще раз вытерла лицо

краем накидки и поспешила в нашу квартирку. Завтра в полдень состоится суд, а у нас по-прежнему нет ни одного шанса спасти Анри. Ни единого!

Толкнула дверь. Странно, но две комнатухи уже стали привычными. Пьера ожидаемо не было, зато Филипп возился на кухне, пытаясь сделать что-то с продуктами. Значит, Пьер, как и обещал, сходил за покупками.

— Полли? — Фил обернулся, отодвинув в сторону тарелку с кривыми бутербродами. — Где ты была? Пьер сказал, что я должен знать. Ты же не...

— И что ты ответил Пьеру? — спросила устало, присаживаясь к столу.

— Что понятия не имею.

— Правильно, не надо ему знать.

— Значит, ты была у судьи. — Филипп тут же нахмурился.

— Была, — кивнула обессилено. — И знаешь, сколько сейчас стоит свобода человека?

— Сколько?

И кто меня тянул за язык? Но Фил ждал ответа, и я сказала:

— Она стоит моей чести.

Щеки мальчишки покраснели от гнева.

— Надеюсь, ты не согласилась? — спросил он, едва сдерживая злость.

— Конечно, нет. Но теперь, боюсь, судья сделает все, чтобы Анри ответил за чужое преступление. Что я наделала!

Уронила голову на руки. Филипп несмело коснулся моего плеча.

— Ты поступила правильно, — ответил он. — Все сделала верно, слышишь? Я бы тоже пошел к этому... Вайхесу и тоже бы не согласился. Поэтому не убивайся так. Завтра... завтра все станет ясно, да?

— Да.

Филипп поднялся и отошел к окну. Он смотрел на залитую солнцем улицу и на фоне солнечных лучей казался таким же чуждым, как цветы на снегу. Наверное, я сама казалась такой же. Хотелось одного — чтобы все это закончилось. Но — нет, не закончится. Даже с судом над Анри, потому что я не остановлюсь, пока не узнаю, кто настоящий убийца, кто сделал так, чтобы мой жених сейчас гнил в тюрьме, а я сама... едва не стала падшей девкой.

— Знаешь, мне снилась мама, — вдруг заговорил Филипп. — Она звала меня, а я испугался и убежал. Странно, да? Вроде бы и жить невыносимо, и умирать страшно.

— Не говори так, — подошла к нему, обняла за плечи. — Надо жить, Фил.

— Ради чего?

Я не знала ответа, но сказала:

— Ради самой жизни. Ради меня, если хочешь. Я не выдержу, если с тобой что-то случится.

— Спасибо.

И снова отвернулся к окну, а я искала ответ на его же вопрос. Ради чего? Ради мести? Ради того, чтобы поквитаться с врагами? Спасти все, что еще можно спасти. Хлопнула входная дверь, и в кухню ввалился сияющий Пьер.

— О, ты вернулась! — затараторил радостно. — Держи.

И протянул мне едва распустившуюся розу. Я взяла цветок и поднесла к лицу. Он пах так, что кружилась голова. Непрошенная улыбка появилась сама собой.

— Благодарю, — ответила от души. — Куда бы ее поставить?

Мы вместе принялись искать вазу или бутылку, или хоть что-нибудь. Для этого пришлось перевернуть всю кухню. Фил измазался в муке — и где он только ее нашел? Пьер достал из шкафа какую-то кастрюлю, надел на голову и принялся декламировать стихи поэтов древности. Выходило до того утомительно, что мы едва не забыли о причине поисков. Затем все-таки решили: отобрали у Пьера кастрюлю и налили в нее воды. Чем не ваза? К столу селись

втроем, запыхавшиеся от поисков и довольные. Сразу стало все равно, что у нас нет изысканных блюд, а только бутерброды, созданные благодаря упорству Филиппа. Впрочем, бутерброды долго не прожили — мы проглотили их в один миг.

Я была благодарна Пьеру, кем бы он ни был, потому что камень на сердце снова будто стал легче. Нет, я не забыла о суде и судьбе, но то и дело отвлекалась на его шутки, смеялась, как последний раз в жизни. И Фил перестал хмуриться, снова начал походить на себя самого.

Легли мы рано. И я готова была поклясться, что Пьер каким-то образом применил к нам магию, потому что глаза слипались так, что я едва нашла кровать и даже не переоделась. Зато ночь снова выдалась беспокойной. Мне снился зал, залитый светом свечей. Здесь не было никого, но передо мной находилась большая дверь, скованная цепями. Я насчитала семь замков на этих цепях. Подошла ближе, коснулась цепей — и воздух загудел.

— Что тебе нужно в моей обители? — раздался голос, который уже слышала где-то. Хриплый, напоминающий шелест осенних листьев. Я обернулась, но увидела только тень.

— Мне нужна истина, — ответила я. — И помощь.

— У пустоты не просят помощи, девочка. — Мой невидимый собеседник будто подошел ближе, потому что голос стал более отчетливым. — Но ты зовешь меня, и я приду.

Тень дунула — и свечи разом погасли. Я вскрикнула и открыла глаза. За окном было светло. В комнате стоял аромат розы — Пьер ночью перенес кастрюлю на наш столик. И мне предстояло самое страшное — суд над Анри.

Глава 10

— Что значит, я не пойду? — Филипп кричал так, что хотелось заткнуть уши.

— Прости, малец. — Пьер развел руками. — Понимаешь ли, все дело в том, что у меня вышло добыть только один пропуск, и я беру с собой Полину.

— Почему? Пусть Полли остается дома, а я...

— Я не останусь, — тут же перебила его. — А вот тебе действительно лучше ждать нас здесь.

— Ты думаешь, после того, что я видел на площади, меня еще можно чем-то испугать? — Филипп прищурился и стал так похож на отца, что я едва не осенила себя защитным знаменем.

— Нельзя, — согласилась с ним. — Но пропуск все равно один. Поэтому и выбора нет.

Пока наш спор не вышел на следующий уровень, быстро схватила накидку, обулась и поспешила за Пьером. Наш приятель тоже преобразился. На нем была кипенно-белая сорочка с воротником стойкой, черный сюртук с тремя блестящими пуговицами и такие же черные штаны. А туфли блестели так, что, казалось, в них можно глядеться. Волосы, до этого буйно торчащие во все стороны, сейчас были тщательно зачесаны на пробор. Настоящий защитник.

Фил все еще пытался спорить, когда мы выскочили за дверь и помчались на улицу. Мои аргументы иссякли, а вот его, похоже, нет. Шли быстро — Пьер не позаботился об экипаже, а здание суда находилось далеко, но мне было все равно. Я готова была идти куда угодно.

— Фух, — вытер Пьер вспотевший лоб, — оторвались. Я думал, мелкий не сдастся.

— Я тоже, — призналась искренне. — Остановить Филиппа сложно.

— Особенно учитывая, что перед нами — неинициированный темный маг. Ему надо учиться, и чем скорее, тем лучше. Пройти посвящение. А пока что он нахально питается нашей магией.

— Что? — Я даже опешила от такого заявления.

— А ты не чувствуешь? Своих сил у мальчишки мало, а эмоций — крайне много. Тьма частенько питается за счет света, когда нет других источников. Но ты не беспокойся, это пока что безобидно. Я, конечно, мог достать еще один пропуск, только вряд ли вид измученного

брата его порадует. Как бы не сорвался. Глупый мальчик и так прошел по границе смерти. На его магии до сих пор отпечаток гибели. Он со временем растает, но пока его лучше не тревожить.

— Как ты это видишь? — спросила тихо.

— Секрет. — Пьер улыбнулся во все тридцать два зуба. — Главное, сама в обморок не ухни, я не смогу тебе помочь.

— Не ухну, — ответила уверенно.

— Вот и умница. Мы пришли.

Здание суда напоминало крепость — огромное, с маленькими окнами-бойницами и внушительным количеством стражи у входа. Вот сюда мы с Пьером точно не проникли бы тайком. Вдруг стало страшно. Так страшно, что захотелось сбежать, но надо было идти вперед. Пьер предъявил наши пропуска, лязгнула решетка — и мы очутились в узеньком коридорчике. Нас ждал магический контроль. Поблескивали кристаллы, проверяя, нет ли при нас запрещенных магических предметов. Ничего не было, поэтому мы без вопросов прошли в большой зал, полный искусственного света. В центре была круглая площадка, с одной стороны которой располагалась клетка, с другой — высокая трибуна для судей. От площадки вверх уходили ряды скамеек. Правая часть была отведена для свидетелей, левая — для зевак. Я спустилась ниже, села так, чтобы хорошо было видно заключенного. Рядом с клеткой по обе стороны стояли две тумбы — для защитника и обвинителя, им должен был стать главный дознаватель. Я помнила ледяной взгляд этого человека. Страшный взгляд, словно вскрывающий душу ножом.

— Держись, Полли, и не выдай себя, — шепнул мне Пьер, а сам спустился ниже, на площадку. Открылась противоположная дверь. А вот и обвинитель пожаловал. Герцог Дареаль, наделенный магистратом особыми полномочиями, был в коричневой мантии. На груди на золотой цепи поблескивал золотой знак, подтверждающий его право вести дознание от имени магистрата — ястреб, распростерший крылья в полете, на тройном круге. Я вглядывалась в суровое лицо с ужасом. Меня пугал этот человек с той самой первой встречи в коллеже.

Дареаль занял отведенную ему тумбу. Загудели трубы, и из боковой двери двинулась процессия. Впереди — стража, за ними — судья Вайхес в алой мантии, следом — еще двое судей в синих мантиях, помощники верховного судьи. И снова стража, чтобы никто не напал со спины. Судьи расселись на свои места на возвышении.

— Внимание! — проговорил один из помощников, открывая кожаную папку. — Слушается дело Анри, графа Вейрана, который обвиняется в убийстве светлейшего магистра Таймуса. Обвинение представляет главный дознаватель магистрата Этьен Дареаль. Защиту представляет вольнонаемный законник Пьер Лафир. Верховный судья — Гастон Вайхес, судьи — Жерар Клио и Антуан Фаррон. Вести обвиняемого.

Сердце забилось быстро-быстро. Я едва усидела на месте. А дверь, противоположная той, в которую вошли судьи, распахнулась настежь. Снова ряд охраны, а за ними... Я едва сдержала крик. От человека, которого я любила, осталась тень. Анри шел, низко опустив голову. Его руки были скованы такими тяжелыми кандалами, будто он мог их сломать. Из одежды была серая роба, босые ноги ступали по полу. Руки покрывали едва зажившие раны. Но когда он поднял голову, я поняла — сломать Анри им не удалось. Он смотрел на судей с такой ненавистью, которую не смогли загасить ни допросы, ни пытки. Скрипнула, открываясь, дверца клетки, и Анри толкнули внутрь, запирая следом. Стража замерла по обеим сторонам.

— Анри, граф Вейран, — заговорил Вайхес, — перед началом слушания я должен спросить вас: признаете ли вы себя виновным в убийстве светлейшего магистра Таймуса?

— Нет, не признаю, — раздался громкий, четкий ответ.

Судьи переглянулись.

— Что ж, тогда слово обвинению, — проговорил Вайхес. — Герцог Дареаль, прошу вас.

— В одиннадцатый день сего месяца, — прочел герцог, — магистр Таймус был найден мертвым в башне света, в своем кабинете. При нем находился гвардеец Анри Вейран. В кабинете магистра Таймуса были найдены остаточные следы светлых заклинаний, принадлежащих Анри Вейрану. Сам он был задержан на месте преступления. При этом свою вину отрицал, но утверждал, что в кабинет никто не входил и не выходил. Обвинение призывает признать Анри Вейрана виновным в совершенном преступлении и готово представить необходимые доказательства.

— Начинайте допрос обвиняемого, — махнул рукой верховный судья.

Я не сводила глаз с Анри. Хотелось быть там, рядом с ним. Чтобы знал, что не предала, не отказалась и никогда не поверю в его вину. Но мне оставалось только наблюдать издалека и верить, что у нас есть хотя бы мизерный шанс его спасти.

— Расскажите о событиях того дня, граф Вейран, — потребовал Дареаль.

Да, граф... Пока Анри не осужден, титул остается за ним. Титул его умершего отца. Знал ли он о том, что произошло? Мне казалось, что знал. Так ведь легче сломать, заставить признаться в чем угодно.

— Я находился на посту с восьми утра, — спокойно ответил Анри, хоть его голос и неуловимо изменился. По его лицу читалось, что ему надоело пересказывать одно и то же раз за разом. — Около десяти мой напарник почувствовал себя плохо, и магистр Таймус отпустил его к лекарю. Я остался один. После обеда магистр Таймус приказал, чтобы его не беспокоили, и заперся в кабинете. Где-то через полчаса послышался шум. Я позвал магистра, никто не ответил. Тогда я постучал и вошел в комнату. Магистр Таймус лежал на полу. Он был еще жив, но уже без сознания. Я решил, что у него припадок, потому что не увидел крови. Призвал магию исцеления, другим заклинанием позвал на помощь. Но его было уже не спасти.

Я верила, что так оно и было. Но ведь Пьер утверждал, что в комнате не находились посторонние. Тогда как же умер магистр?

— Был ли в кабинете кто-то еще, кроме магистра Таймуса? — спросил Дареаль.

— Нет, не было, — ответил Анри.

— А входили ли в кабинет посторонние в течение дня?

— Тоже нет. Только утром доставляли бумаги из магистрата, но это повседневная процедура.

— Тогда кто же убийца, граф?

— Мне откуда знать? Это ведь вы — главный дознаватель.

И Анри колко улыбнулся. В зале поднялся шум, послышались выкрики, но судья призвал всех молчать.

— Как видите, — обратился Дареаль к судьям, — Анри Вейран был единственным, кто находился рядом с магистром Таймусом в момент смерти. Следов чужой магии в кабинете не зафиксировано, только магия графа Вейрана. Яда в крови магистра не обнаружено.

— Что же тогда заставило вас думать, что магистра убили? — вдруг подал голос Пьер. — Может, он скончался по естественным причинам?

— Вам слова не давали, — рыкнул Дареаль. — Но я отвечу. Естественных причин для смерти магистра мы тоже не нашли. Он был совершенно здоров и скончался от удушья. Удушья магического свойства.

— Магического? Тогда как вы можете говорить, что не было других следов магии? Или же магический след тоже принадлежит графу Вейрану?

— Применялось заклинание с оборванной связью, нельзя определить не только, кто его призвал, но и то, темное оно или светлое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.